Олег Рой

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

Олег Рой

Письма из прошлого

«Олег Рой»
2013

Рой О. Ю.

Письма из прошлого / О. Ю. Рой — «Олег Рой», 2013

ISBN 978-5-699-67326-1

Когда ты успешен, состоятелен, независим, когда ты полностью контролируешь свое настоящее, лучше не оглядываться назад и не думать о том, что когда-то с тобой было, о том, сколько ошибок совершил, скольким людям причинил боль. Ведь ты не можешь контролировать свое прошлое! Но что, если оно напомнит о себе? Напомнит, и вся твоя жизнь перевернется, как это случилось с известным психотерапевтом Дмитрием Корсунским. Просто однажды в почтовом ящике он нашел письмо от… своей умершей жены.

ISBN 978-5-699-67326-1

© Рой О. Ю., 2013
© Олег Рой, 2013

Содержание

Часть первая 6
Глава 1 6
Глава 2 17
Глава 3 23
Глава 4 29
Глава 5 34
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Олег Рой
Письма из прошлого

© Резепкин О., 2013
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая
Май 2003 года

Глава 1
Надежда

Это был невероятно теплый, даже жаркий и солнечный день поздней весны, когда все вокруг уже кричало о лете и жаждало позитива, улыбок, детского смеха во дворах, прогулок влюбленных пар… И, разумеется, безмятежного отдыха, который так необходим всем, кто терпеливо пережил бесконечные зимние дни и заслужил наконец долгожданный отпуск. Тем более если этот отпуск у него впервые. И не просто впервые за долгое время, – а впервые в жизни! Надя откинулась на спинку переднего сиденья автомобиля и счастливо вздохнула. Теперь уже ничто: ни бьющее прямо в глаза полуденное солнце, ни возможные пробки на дорогах, ни предстоящий долгий и наверняка утомительный путь не испортят ее замечательного настроения. Они все-таки отправляются семьей отдыхать! И завтра, самое позднее послезавтра, она увидит море! А все остальное уже не имеет никакого значения.

Конечно, выехали они не в девять, как планировалось, а гораздо позже, поскольку в последний момент выяснилось, что забыли целую кучу важных вещей, и Мите пришлось бегать в магазин за бананами, салфетками и батарейками для фотоаппарата. Потом Кристинка слишком долго возилась, одевалась и причесывалась в дорогу, до тех пор, пока оба родителя не рявкнули на нее в два голоса. А затем уже замешкалась и сама Надя, которая в этой суматохе совершенно забыла вымыть посуду после завтрака и убрать кухню. Но не оставлять же крошки на столе и тем более сковородку из-под котлет в раковине – на целых три недели! В результате, когда, наконец, все вещи были загружены в багажник и на крышу машины, отчего их старенький «Форд» просел чуть ли не до земли, Митя взялся за руль, Надя заняла свое законное место рядом с мужем, а Кристина устроилась на заднем сиденье, была уже почти половина первого. Но разве могли такие мелочи испортить Наде настроение? Ведь она так ждала этой поездки! Никак не меньше, чем Кристинка.

Сперва, как это обычно бывает, ехали шумно и весело. Глазели по сторонам, смеялись, шутили, беззлобно поддразнивая друг друга. Больше всех, конечно, радовалась Кристинка. Ну еще бы, ведь для нее это тоже была первая поездка к морю. Да и вообще первая дальняя поездка за всю ее тринадцатилетнюю жизнь. До этого летние каникулы она исправно проводила с мамой на даче, которая осталась Диме в наследство от родителей. И теперь Кристина никак не могла сдержать эмоций, вся извертелась на заднем сиденье, громко комментируя все, что попадало в поле зрения.

– Доченька, ну ты как маленькая, ей-богу! – смеялись родители на ее: «Ой, смотрите, коровы!» – Можно подумать, ты корову никогда не видела!

Но Кристинка была так довольна жизнью, что даже не обижалась на «маленькую».

Когда город остался далеко позади и скрылся из виду дым труб металлургического комбината, все вдруг поняли, что проголодались. И так как решено было никуда не спешить, все равно уже выбились из графика, то заглянули в придорожное кафе – деревянный домик, стилизованный под русскую избу, где кормили не так уж дорого и неожиданно очень вкусно. С удовольствием пообедали, прихватили с собой большой пакет с пирожками, воду и сок для дочки и снова тронулись в путь. Разомлевшая после сытной еды Кристинка примолкла на заднем сиденье, Митя выключил радио, и в машине стало совсем тихо. Надя устроилась поудобнее и стала смотреть в окно. Ей всегда нравилось такое времяпровождение, когда можно вообще

ничего не делать, просто сидеть, смотреть на быстро меняющиеся за окнами пейзажи, отдыхать и думать о чем-нибудь приятном…

Самым приятным для нее всегда были воспоминания о детстве – о дошкольном периоде. Это были годы сплошного безоблачного счастья. В памяти остались яркие картинки того времени: солнечные дни, смех и веселые голоса взрослых, вкусные запахи из кухни… У них был большой деревенский дом и большая дружная семья: дедушка с бабушкой, мама с папой и два папиных брата, причем младшего, Алешку, она, Надя, просто обожала. Дядя ее тоже обожал, да не только дядя – все взрослые ее любили… По крайней мере, так ей казалось в то время. Мир тогда виделся ярким душистым цветком, в котором Надя сама была сердцевинкой. Но потом, когда она пошла в школу, жизнь стала меняться. Сначала ушел в армию любимый дядя Алеша и, отслужив, не вернулся домой, а уехал на заработки за Полярный круг, где обзавелся семьей и осел навсегда. Потом скончался дедушка, а затем второй папин брат, дядя Саша, женился на очень противной женщине тете Зине, которая быстро установила в доме свои порядки. А после случилось самое страшное – умер папа. Смерть его была столь же нелепа, сколь и трагична. Сосед, допившийся, что называется, до чертиков, зимой, в лютый мороз, выгнал в пьяной горячке жену и детей из дома, и папа пошел его приструнить. Неизвестно, что уж померещилось соседу в алкогольном бреду и за кого он принял старого друга, да только встретил он вошедшего Надиного папу сильным ударом топора по голове. Протрезвев, сосед, конечно, ужаснулся содеянному, но вернуть уже было ничего нельзя. Так в один миг две семьи лишились кормильцев: один отправился в тюрьму, а другой – на кладбище.

После смерти отца их жизнь сильно изменилась. Тетя Зина быстро прибрала к рукам весь дом с большим приусадебным участком и совсем запугала бабушку, которая, потеряв мужа и сына, сильно сдала, – стала тише воды и ниже травы. Надю и ее маму тетя Зина называла нахлебницами и дармоедками и говорила, что они не имеют права жить в «ее» доме. Ругань и скандалы стали в семье обычным явлением, и дело кончилось тем, что мама забрала Надю и ушла жить к своей сестре. А тетя Зина, быстренько спровадив на тот свет бабушку, осталась почти единственной хозяйкой в доме. Почти – потому что, даже переехав к сестре, Надина мама не выписалась из дома покойного мужа и Надю не выписала. Этого тетя Зина так и не смогла от нее добиться. Впрочем, для Нади, хоть она и оставалась прописана в доме, это не имело никакого значения. Она с тех пор там даже не появлялась и качать права или тем более требовать свою долю не собиралась – не таким она была человеком.

Следующие восемь лет своей жизни Надя прожила с семьей другой тети, тети Нины, теснясь вдвоем с мамой в крошечной комнатке за кухней, где даже не было места поставить вторую кровать, терпя обиды от старшего двоюродного брата и нянча младшую двоюродную сестру. В отличие от того дома, который она привыкла считать родным, – светлого, просторного и удобного (недаром тетя Зина так стремилась им завладеть!), дом тети Нины был маленьким, ветхим и неуютным, а главное – неприветливым. Неудивительно, что Надя мечтала поскорее его покинуть. И потому, едва окончив школу, тут же сложила свои жалкие пожитки в чемодан и уехала в город – поступать в медицинский институт. Не то чтобы она чувствовала призвание к будущей профессии и с детства хотела лечить людей, нет, ничего подобного. Просто по тем временам представления о профессиях у девочки, ни разу в жизни не выезжавшей дальше райцентра, были весьма ограниченные. Работать в совхозе Надя не хотела, становиться учительницей – тем более. Стало быть, оставался только один возможный из известных ей вариант – врач.

Надя до сих пор не могла понять, каким чудом ей удалось поступить в вуз с первой же попытки. Наверное, в советское время существовала какая-то разнарядка, согласно которой нужно было каждый год принимать на учебу определенное количество сельских жителей. А может, просто повезло. Но, так или иначе, на всех вступительных экзаменах Наде попались именно те вопросы, которые она хорошо знала, и те задания, с которыми она смогла спра-

виться. Увидев свою фамилию в списке зачисленных на первый курс, Надя почувствовала себя счастливой почти как в детстве. Но не прошло и нескольких учебных недель, как от былой радости не осталось и следа. Очень скоро она поняла, что совершила большую ошибку, поступив в медицинский. Вся эта латынь, химия, физиология (не говоря уже об анатомичке) приводили ее в ужас. Все, чему их учили, казалось непонятным и совершенно неинтересным, заниматься этим не было никакого желания. Надя училась чуть ли не хуже всех на курсе, но продолжала усиленно зубрить, поскольку отчаянно боялась вылететь после первой же сессии. Меньше всего на свете ей хотелось возвращаться в то место, которое она вынуждена была называть своим домом. Но главная причина была даже не в этом. А в Мите.

В Митю Надя влюбилась сразу, как только увидела его в коридоре института. Он учился на том же первом курсе, только в другой группе, и резко выделялся среди однокашников. Виделись они с Митей почти каждый учебный день, хотя слово «виделись» и не совсем подходит. Видела его в основном Надя, – так и ела глазами при каждой встрече… А Митя долгое время ее вообще не замечал. Да и кто на его месте стал бы обращать внимание на застенчивую, скромную и плохо одетую деревенскую простушку, когда вокруг столько ярких, красивых и уверенных в себе городских модниц? Впрочем, и Надя не была уродиной. Скорее даже наоборот, она была очень миловидной. Ее складной фигурке с полной грудью и бедрами, но с тонкой талией многие девчонки завидовали, однако сама Надя считала свою внешность самой заурядной. И была уверена, что самый популярный парень в институте вряд ли обратит на нее внимание.

Митя или, как все его называли, Дима Щеголев действительно пользовался огромным успехом у девушек. И прежде всего, конечно, из-за внешности. Высокий, плечистый, отлично сложенный, с густыми темно-русыми волосами и ослепительной улыбкой, он был настолько красив, что это отмечали не только студентки, но и преподавательницы всех возрастов. Даже злющая преподша латыни, которую студенты боялись как черт ладана и которую за странную любовь к белым колготкам прозвали pedunculi alba (белые ножки) – и та говорила Дмитрию: «С такой внешностью, как у вас, молодой человек, надо сниматься в кино!» При этом на ее лице появлялось некое подобие улыбки, которую на самом деле было бы трудно назвать улыбкой. И Митя улыбался ей в ответ с той раскованностью, которую могут позволить себе в общении с преподавателями только самые лучшие студенты. А именно таким Дмитрий Щеголев и был. С первых дней учебы всем стало ясно, что Димка однозначно претендует на красный диплом. Он с такой легкостью отвечал на самые сложные вопросы и справлялся с самыми трудными заданиями, что казалось, будто уже давно знает предмет не хуже преподавателей, а в студенты записался просто так, в шутку.

Словом, в глазах наивной Нади Митя был воплощением всех возможных достоинств, столько она находила в нем привлекательности, ума и очарования. Однако, что больше всего подкупало, при таких данных он совсем не был снобом и никогда ни на кого не смотрел свысока. Шанс убедиться в этом представился Наде очень быстро.

Она на всю жизнь запомнила тот почти по-летнему теплый октябрьский день. Во время перерыва Надя, как обычно одна, сидела во дворе института на самой дальней скамейке, той, что ближе всего к лесу, и ела бутерброд, принесенный с собой из общаги – денег на обед в столовой у нее не было. Вдруг неизвестно откуда появился Митя, который тоже был один, что случалось крайне редко, обычно его всегда кто-то сопровождал – либо девушки, либо друзья. Он шел мимо, и Надя не сомневалась, что он так и пройдет, даже не заметив ее. Но Митя вдруг остановился и с любопытством поглядел на бутерброд в ее руке.

– Это у тебя копченая рыба, да? – неожиданно спросил он. – Запах характерный.

– Нормальный запах, – буркнула растерявшаяся Надя, испугавшись, что он сейчас начнет прикалываться над ней, как это часто делали мальчишки в школе. Но, как выяснилось, бояться было нечего.

– Конечно, нормальный! – весело ответил Митя. – Уж получше, чем в нашей столовке, туда без противогаза вообще не зайдешь. – Он рассмеялся и добавил: – Мне тоже копченая рыба нравится.

– Хочешь? У меня еще есть! – тут же вскинулась Надя.

– Давай, если не жалко, – кивнул Митя.

Присел рядом, взял из ее рук бутерброд и с таким удовольствием принялся уминать дешевую копченую рыбку на куске серого хлеба, что девушка почувствовала себя на седьмом небе от счастья. Она даже не подумала о том, что теперь ей нечего будет есть до позднего вечера, когда она, наконец, вернется в общагу после закрытия читального зала. Разве это было важно! Важен был только Митя.

Даже спустя столько лет эта чудесная картинка словно стоит у Нади перед глазами: голубое небо, золотисто-багряный осенний лес, сверкающие на солнце стекла больших окон здания института… И на этом фоне – Митя, такой ослепительно-красивый, такой милый и такой… родной… Хотя в ту пору она даже и мечтать-то не смела, что они когда-нибудь будут вместе.

После той знаменательной встречи Надя еще долго носила с собой запасной бутерброд – на случай, если Митя снова пройдет мимо, и ему опять захочется копченой рыбы. Но, к ее великому сожалению, ничего подобного больше не повторилось. Хотя Надя с тех пор и делала все, чтобы оказаться поближе к Мите. Ей даже каким-то неведомым образом удалось преодолеть свою застенчивость и втереться в компанию, с которой он чаще всего проводил время. Вышло это благодаря неожиданно возникшей дружбе с Ларисой – одной из самых ярких и красивых девушек на курсе, которую Надя так боялась поначалу. При ближайшем знакомстве Ларка, к Надиному удивлению, оказалась очень даже неплохим человеком. А не манерной и вредной городской фифой, презирающей всех, кто на них не похож, какими в начале учебы представлялись Наде все модницы.

Так что к середине первого курса Надя с Митей стали общаться гораздо больше и чаще. Болтали на переменках, обменивались конспектами, тусовались в общаге и на домашних вечеринках, вместе готовились к экзаменам в читальном зале. Несколько раз Наде довелось побывать в гостях у Щеголевых, и она была совершенно очарована матерью Мити – обаятельной, сильной, волевой и энергичной женщиной. Она прекрасно выглядела – и это несмотря на то, что по возрасту годилась собственному сыну в бабушки. Из разговоров с ней Надя узнала, что Митя появился у них очень поздно, когда после двадцати с лишком лет брака оба супруга уже совершенно отчаялись и почти расстались с мыслью родить ребенка.

Надю абсолютно покорила та непринужденная приятельская атмосфера, которая царила в этой семье. До знакомства со Щеголевыми ей и в голову не могло прийти, что с родителями можно общаться вот так – доверительно и дружески, беззлобно-иронически. С круглыми глазами слушала Надя шутливые пикировки Мити и его мамы. Сама она хоть и любила свою мамку, но никогда не рассказывала ей ничего особенно важного и уж тем более не перешучивалась с ней… Надежда поделилась об этом своими мыслями с Ларой, в ответ на что та лишь пожала плечами: «А чему ты удивляешься? Нормальная интеллигентная семья». В тот момент Ларка как-то не думала о том, что понятия нормы не у всех одинаковые. И что Наде, выросшей в деревне, совсем не казалась нормой трехкомнатная городская квартира ее подруги, машина ее папы и дача в престижном поселке «Журавли», больше похожая на коттедж из западных фильмов, чем на те деревенские дома, которые привыкла видеть Надежда.

Именно на этой даче все и случилось… Лариса знала о чувствах Нади к Диме Щеголеву, всей душой сопереживала ей и всячески старалась посодействовать возникновению ее романа с Митей – романа, который упорно никак не хотел начинаться. Когда Ларка поняла, что ее мудрые советы ни к чему не приведут и Надька все равно сама никогда не сделает первого шага, она решила помочь подруге и в Новый год (было это на третьем курсе) собрала у себя на даче небольшую компашку, куда входили ее тогдашний молодой человек, еще одна крепкая

пара, а также Надя и Дима. Надя была уверена, что Митя не примет приглашения, что его уже наверняка позвали в несколько мест… Но, к ее удивлению и безграничной радости, он все-таки появился на месте встречи точно в оговоренное время.

Это был самый счастливый Новый год в жизни Нади. Еда и спиртное – они пили шампанское и водку – у них быстро закончились, старенький черно-белый телевизор работал с помехами и аккурат посреди боя курантов совсем вырубился, но это стало лишь дополнительным поводом для шуток и веселья. После полуночи вся компания отправилась гулять и играть в снежки, оглашая смехом, криками и музыкой из магнитофона весь занесенный снегом дачный поселок. Под утро вернулись замерзшие как ледышки, уставшие, сонные, и никто даже не обратил внимания на то, что Лара постелила Наде и Мите в одной комнате. Изначально, из соображений приличия, предполагалось, что девушка устроится на ночь на стареньком диване, а парень – в спальном мешке на полу. Но очень скоро Митя замерз на полу и перебрался на диван к Наде… Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Отчего-то Надя была уверена, что все происшедшее между ними той новогодней ночью, точнее, новогодним утром, в корне изменит их взаимоотношения. Но ее ожидания не оправдались. Митя все так же был мил и приветлив с ней. Увидев ее в институте или в общаге, всегда здоровался, шутил, перекидывался парой слов, мог поболтать и подольше, если представлялся случай. Они по-прежнему сидели рядом на лекциях и семинарах, часто пересекались на вечеринках и прочих тусовках – но и только. Встречаться – в том смысле, в котором обычно использует это слово молодежь, – они так и не стали. Митя не предлагал ничего подобного и ни разу даже не упомянул о том, что произошло между ними в ту новогоднюю ночь, а Надя была слишком горда и одновременно слишком застенчива, чтобы пригласить его на свидание или попытаться выяснить отношения. Так продолжалось месяца два-три, а потом на Надю, как гром среди ясного неба, обрушилась сногсшибательная новость. Внезапно оказалось, что Надежда беременна.

Сомнений в том, кто отец ребенка, у Нади не было. Конечно же это Митя – ведь ни до, ни после Нового года она ни разу не имела дела ни с одним другим парнем. И что делать, как поступить? Как сказать Мите? А может, и не надо ничего говорить? Ясно же, что для него та ночь была только забавой, незначительным приключением, которые в его жизни случаются на каждом шагу… О том, что значила эта ночь для нее, он и понятия не имеет. Как до сих пор не догадался и о том, что она вот уже два года влюблена в него. Наконец, вдоволь наплакавшись, Надя все-таки решилась избавиться от ребенка и отправилась в женскую консультацию сдавать анализы.

– Аборт хотите делать? – глянула на нее сквозь толстые стекла очков коротко стриженная седая врачиха. – А у мужа резус-фактор крови какой?

– Положительный, первая группа… – пробормотала Надя, не став распространяться о том, что Митя ей никакой не муж и никогда им не будет.

– А у вас отрицательный, – нахмурилась докторша. – Так что подумайте хорошенько, девушка. Понимаю, вы молодая, хочется пожить для себя… Но учтите, что второго шанса при разнице резусов у вас может не быть. Сделаете аборт – а потом либо не забеременеете, либо не выносите, либо ребенок родится больной. Так что сначала посоветуйтесь с мужем. А еще лучше – приходите ко мне вместе, поговорим.

В ответ Надя разрыдалась и пулей вылетела из кабинета.

Она дала себе слово не рассказывать о своем несчастье никому, даже Ларке. Но судьба часто вмешивается в наши решения и меняет их. Так вышло и на этот раз, потому что, возвращаясь из консультации, Надя неожиданно столкнулась на улице нос к носу с Ларисой.

– Привет, какие люди и без охраны! – воскликнула подруга. Потом пригляделась к Наде, и улыбка мигом слетела с ее лица – Эй! А ты чего такая зареванная? Ну-ка рассказывай, что случилось!

Потащила Надю к себе, напоила чаем, накормила обедом и не успокоилась до тех пор, пока не вытянула из подруги всю ее невеселую историю.

– Надо обязательно сказать Димке, – резюмировала Лара, выслушав сбивчивое Надино повествование. Та замотала головой:

– Н-нет… Я не могу…

– Зато я могу, – тряхнула кудряшками Лара.

На другой день Митя в институт не пришел. И на третий тоже. Но вечером в дверь Надиной комнаты в общаге раздался стук, и она увидела на пороге Митю.

– Привет, девчонки! – салютовал он ее соседкам. – Надь, пойдем погуляем? – обратился он к ней.

Надя покорно накинула куртку и вместе с Митей вышла на улицу, хотя снег с дождем и слякоть ранней весны совершенно не располагали к прогулкам.

Митя, заметно волнуясь, говорил, что все узнал от Лары. Упрекал Надю за то, что она ничего не рассказала ему раньше, интересовался, как она себя чувствует, сыпал медицинскими терминами – будущий медик все-таки, к тому же потомственный. Надя молчала или отвечала на вопросы односложно, гадая про себя, к чему приведет этот разговор. Митя предложит ей денег на аборт? Или посоветует хорошего гинеколога, кого-нибудь из маминых знакомых? Нет, скорее всего, просто попытается выразить ей свое сочувствие, после чего заведет: «Ну, ты же понимаешь…» И тем сильнее было Надино удивление… нет, даже шок, когда она вдруг услышала:

– Надь, ты это… В общем… В общем, выходи за меня замуж.

С тех пор ее несколько лет не покидало ощущение, что она попала в сказку. Сыграли свадьбу, причем благодаря хлопотам Митиной мамы, у которой было много полезных знакомств, их расписали быстро, не дожидаясь нужных месяцев, пока живот еще не был особенно заметен. Новоиспеченная свекровь встретила Надю на удивление хорошо и относилась к ней значительно лучше, чем ее родственница – тетя Нина (или тетя Зина). О Наде даже заботились – почти так же, как когда-то в детстве, – правда, больше Митина мама, чем он сам. Но для Нади и это было подарком судьбы, ведь она уже столько лет не слышала слов: «Иди отдохни», «Как ты себя чувствуешь?» или «Чего бы тебе хотелось?». Однако Надя понимала, что подобное отношение не может быть вечным, и потому изо всех сил старалась проявить себя с лучшей стороны, чтобы ни в коем случае не стать для новой семьи обузой. Она наотрез отказалась прописываться к мужу, чтобы никто даже не подумал, будто она охотится за хорошей квартирой, много помогала свекрови, взяла на себя почти всю работу по дому и полностью обслуживала Митю, страстная любовь к которому после свадьбы и вовсе превратилась в нечто похожее на обожание. А потом родилась дочка, которой Надя выбрала красивое и модное имя Кристина. Свекровь уговаривала невестку не брать академический отпуск, но Надя с ней не согласилась – рождение ребенка стало для нее прекрасным поводом, чтобы распрощаться с опостылевшим институтом. К третьему курсу она уже окончательно поняла, что меньше всего хочет посвятить свою жизнь медицине. Это совсем не ее призвание. Ее предназначение – семья. Муж и ребенок.

Так прошло восемь счастливых лет. В институт Надя так и не вернулась – сначала под предлогом, что надо довести Кристинку до детского сада, потом из-за того, что раздумала отдавать дочку в сад, а потом уже и до школы осталось не так долго… Устроиться куда-то работать без опыта и образования тоже не получилось, да Надя особенно и не стремилась к этому, ей гораздо больше нравилось заниматься домом, Митей и Кристиной. Денег в семье и без этого вполне хватало. Свекровь, известный психиатр, постоянно была нарасхват и зарабатывала весьма прилично – не столько на основном месте работы, сколько частной практикой. Митя после института закончил интернатуру, потом ординатуру, выбрав ту же специализацию, что у матери и у покойного отца, – психиатрию. Его заработки пока никак нельзя было сравнить с маминими, но никто в семье не сомневался, что у него все впереди.

А потом снова все изменилось и, как уже было однажды в Надиной жизни, снова в плохую сторону. С тех пор Надя нередко задумывалась о том, что ее судьба напоминает маятник. Ее то и дело бросает из крайности в крайность, из безоблачного счастья – в тяжелое горе. В этот раз горем стал обширный инфаркт, унесший ее свекровь. «Сгорела на работе», – говорили на похоронах. Проводить в последний путь эту удивительную женщину пришла чуть ли не половина города. Надя за эти годы успела сильно привязаться к свекрови, которую давно уже звала мамой, и не формально, потому что *так принято*, а от души, горевала не меньше Мити. Вот только переносила она потерю более стойко. Потому что муж, за которым Надя и раньше замечала склонность к алкоголю, после смерти матери стал выпивать гораздо чаще и гораздо больше. Что, конечно, не могло не тревожить Надю, которая совсем не понаслышке знала, как пьянство губит людей.

К тому же Митина пагубная страсть, увы, была не единственным темным облаком на их семейном небосклоне. В первые же годы совместной жизни, когда эйфория от неожиданно свалившегося на нее счастья понемногу развеялась, Надя поняла, что те чувства, которые испытывает к ней муж, совсем не похожи на любовь. Да, он тепло относился к ней и, пожалуй, еще теплее к дочке – но не более того. Как бы ни хотелось верить в обратное, но и накануне свадьбы Надя, в общем, понимала, что никакой любви у Мити к ней нет, что он, узнав о ее беременности, решил, что называется, «поступить как порядочный человек» – и только. Впрочем, тогда Надя хотя бы надеялась, что ее любовь и забота сумеют вызвать в его душе отклик… А этого, увы, не произошло. Первое время они довольно много времени проводили вместе и еще больше сблизились после рождения дочки. Но по мере взросления Кристинки Надя и Митя начали постепенно отдаляться друг от друга, а после того, как не стало его мамы, и вовсе зажили каждый своей жизнью. Надя в основном была занята Кристиной, работой по дому, рукоделием. Замкнутая по натуре, она не стремилась к общению и тяжело сходилась с людьми. А после того как Ларка второй раз вышла замуж и переехала в Магнитогорск, и совсем осталась без подруг, но нисколько об этом не жалела. Она даже нечасто выходила из квартиры, не считая походов по магазинам и прогулок с дочкой – ей это просто было не нужно. Митя же, наоборот, дома бывал совсем мало. Телевизор, компьютер и прочие хобби, которые обычно удерживают мужчину в четырех стенах, его мало интересовали. По-настоящему он был увлечен только своей работой, на которой почти всегда задерживался до глубокой ночи. И практически каждый день возвращался выпивши. Надю уже просто трясло от запаха алкоголя.

– Мить, ну ты же так сопьешься! – с тоской воскликнула она, уже не особенно надеясь, что ее слова дадут какой-то эффект.

– Не говори ерунды, – отмахивался он. – Тебя послушать – так я прямо уже хроником стал. А я выпил-то всего ничего, два литра пива. С этого не спиваются.

Надя в ответ лишь молча качала головой и всеми силами заставляла себя не вспоминать допившегося до белой горячки соседа, который убил ее отца…

Имелся у нее и другой повод для огорчений, не менее тягостный, чем склонность мужа к спиртному. Уже в первые годы семейной жизни у Нади стали возникать подозрения, что Митя ей изменяет. Не то чтобы она хоть раз застала его с кем-то – да и не пыталась никогда, считая подобные вещи унизительными, как для себя, так и для мужа, но множество мелких улик, которые обычно всегда замечают женщины, какой-нибудь запах чужих духов, следы помады на рубашке или слишком подробный и обстоятельный ответ на вопрос, почему он сегодня особенно долго задержался на работе, – то и дело подтверждали ее догадки. Впрочем, разборок и сцен по этому поводу Надя не устраивала. Что это даст, к чему приведет? Только к очередной неприятной и бессмысленной семейной ссоре. Переделать-то все равно ничего нельзя… С возрастом Митя стал еще интереснее, чем был в юности. Он следил за собой и даже, для пущего эффекта, стал курить трубку, что ему очень шло. Женщины все так же обращали на него внимание, и он, судя по всему, все так же «был активно не против», как, смеясь, говорил

в студенческие годы. Конечно, Надю совсем не устраивало такое положение вещей, но выхода не было, приходилось если не мириться, то хотя бы стараться закрывать глаза. Своим браком (а они с Митей прожили уже тринадцать лет) она очень дорожила и делала все, чтобы сохранить его. И даже не потому, что не представляла, как будет в одиночку поднимать дочь – без образования, без профессии, без единого дня трудового стажа, а прежде всего потому, что любила Митю. Не так, конечно, как на первом курсе, в самом начале их знакомства. Но и не меньше. А просто иначе, по-другому. Не как первого красавца на курсе, прекрасного принца и недосягаемую мечту, а как до боли родного, до мельчайшей черточки знакомого близкого человека, который каждый вечер из года в год засыпал и просыпался с ней в одной постели, которому она стирала белье и ради которого ежедневно вставала на полчаса раньше, чтобы приготовить горячий завтрак и подать на стол именно то, что он любит.

Так они, собственно, и жили до последнего времени. Надя хлопотала в своем маленьком семейном мирке, Митя пропадал на работе все будни и часть выходных. Понятия «отпуск» в полном смысле этого слова для Щеголевых не существовало. На лето Надя всегда отправлялась с Кристинкой на дачу – сначала вместе со свекровью, а потом, когда той не стало, только вдвоем с дочкой. Митя же проводил там с ними минимум времени, отговариваясь тем, что ему некогда, но, как понимала Надя, занятость в клинике была лишь предлогом. Разумеется, ее Митя не получал никакого удовольствия от жизни в сельской местности. Физической работы, которая постоянно требуется от владельцев дач, он не любил, да и делать ее толком не умел, житье в домике с печным отоплением и удобствами на улице его ничуть не привлекало, а грибы, рыбалка и красоты уральской природы никогда не интересовали. Так что отпуск, который у него и случался-то не каждый год – то какое-нибудь повышение квалификации, то симпозиум, то надо подменить кого-то из коллег, – Митя предпочитал проводить в городе, встречаясь с друзьями или просто дома, лежа на диване с книгой или с пультом видеодвойки. Несколько раз, в начале их семейной жизни, еще заходили разговоры о том, что хорошо бы куда-нибудь съездить, но дальше вялых обсуждений дело так и не доходило. Наверняка так и продолжалось бы до конца жизни, если б в минувшие осень, зиму и весну Кристинка не начала бы так часто болеть. Дней десять, максимум, пару недель походит в школу – и снова воспаленное горло, кашель, сопли, температура. Она и раньше-то никогда не отличалась богатырским здоровьем, легко простужалась и редкий год обходилась без ангины, но тут уже что-то и вовсе превзошла саму себя. Педиатр (спасибо покойной свекрови, детский врач, которая вела Кристинку с самого рождения, у них была замечательная) объяснила, что так иногда случается на пороге переходного возраста. Девочка растет, организм резко перестраивается, не справляется с обилием возложенных на него задач и, как результат – падает иммунитет.

– И что ж нам делать? – спросила у педиатра расстроенная Надя. Для нее, как для любой зацикленной на семье женщины, здоровье ребенка было одной из самых главных ценностей в жизни.

– Попробуйте свозить Кристинку на море, прогреть на южном солнышке, – прозвучало в ответ. – Хорошо бы на месяц или хотя бы недели на три.

Услышав такие слова, Надя только вздохнула и покачала головой. О чем она говорит, какое море… Дело было даже не в деньгах. Что говорить, Митина дружба с зеленым змием влетала в копеечку, но зарабатывал муж прилично, и Надя, с ее умением экономно планировать семейный бюджет, смогла бы найти денег на отдых. Проблема заключалась совсем в другом – в том, что муж, скорее всего, не поедет с ними, отговорится работой или какими-то другими делами. Но путешествовать в теплые края одна с подрастающей дочкой Надя побаивалась. Мало ли что может случиться, вон о каких ужасах по телевизору в криминальной хронике рассказывают… Нет, одна она точно не поедет. А шанс, что они отправятся куда-то вместе с мужем, очень невелик. Однако с Митей она все-таки решила поговорить – просто так, на всякий случай, без особой надежды на успех.

Время она для этого выбрала не самое удачное. Впрочем, откуда бы ему взяться, удачному-то времени? Муж редко бывал дома, приходил поздно, а то и под утро. И потому, когда в какой-то из вечеров Митя явился несколько раньше обычного, Надя, стараясь не обращать внимания на то, что от мужа несет алкоголем и ненавистными ей ментоловыми леденцами, которыми он этот алкогольный аромат заедает, решила все же попытать счастья. Спровадила Кристинку спать, убрала со стола после ужина, села напротив Мити и завела разговор издалека – о здоровье дочки, о советах врача, о знакомых, которые недавно побывали в Турции и других знакомых, которые каждое лето ездят в Крым…

– Надюх, короче! – резко оборвал ее муж. Он уже достал свою трубку, почистил ее и теперь явно рвался побыстрее выйти покурить – делать это в квартире Надя ему не разрешала, гоняла зимой на лестницу, а летом на балкон. – Я устал, как собака, и спать хочу. К чему ты все это говоришь?

– Да к тому, что ребенка надо хоть раз в жизни на море вывезти! – Она не сдержалась, повысила голос, чего обычно с ней не случалось. – А то у нас не семья, а черт-те что! Ни разу за все время даже отдыхать вместе не съездили. А Ольга Михална говорит, что Кристинке море было бы очень полезно, раз она столько болеет…

– Ну, полезно – так давай поедем, – неожиданно ответил муж. – Это все, что тебе было от меня нужно? Тогда я пойду покурю да лягу, а то прямо с ног валюсь.

Он поднялся и вышел из кухни, не дожидаясь Надиного ответа. А та так и замерла с грязными тарелками в руках. Неужели он согласился? Она не ослышалась? Хотя нет, решила Надя спустя несколько минут, это он, видимо, просто так ляпнул, не подумав, из-за того, что выпивши… К утру проспится – и наверняка передумает, найдет тысячи причин, почему он не сможет и в этом году никуда поехать.

Однако утром, когда она готовила омлет к завтраку, Митя вошел в кухню в банном халате, с мокрыми волосами, на ходу вытирая их полотенцем, и, к удивлению Нади, сам напомнил ей о вчерашнем разговоре.

– В принципе, это можно устроить, – сказал он. – Если все будет в порядке, я смогу взять отпуск в мае.

– В мае?.. – повторила, как эхо, Надя, растерявшись от неожиданности.

И муж, неправильно ее поняв, тут же продолжил:

– Беспокоишься, как быть с Кристинкиной школой? Не волнуйся, думаю, можно будет договориться, что мы заберем ее с учебы на месяц пораньше. Авось, от класса не отстанет, все равно в это время нового материала уже не дают, только повторяют пройденное. Конечно, лучше бы летом, но летом у меня точно не получится взять отпуск. Но знаешь, май – это даже хорошо. Сезон еще не начнется, значит, цены будут пониже.

Он кинул мокрое полотенце на спинку стула и уселся за стол.

– Ты куда хочешь поехать: в Турцию или в Египет? Надь! Ты чего молчишь?

– Я… Я просто удивилась… – пролепетала Надежда. – Не думала, что ты согласишься.

– Почему? – Он с недоумением взглянул на нее. – Я же вчера сказал, что согласен. Кстати, – он втянул носом воздух. – По-моему, у тебя что-то горит.

– Ой! – ахнула Надежда и кинулась к плите.

Омлет удалось спасти, и Надя еще больше возликовала. Она ведь была на сто процентов уверена, что ничего не получится – а вышло наоборот, совсем легко и просто… Неужели не так-то хорошо она знает своего мужа? Или все-таки дело в том, что люди с возрастом меняются?

– Я не знаю… Как-то о месте пока не думала… – не сразу ответила она на заданный вопрос. – А ты куда хочешь?

– Думаю, в Египте интереснее, – принялся рассуждать Митя. – Пирамиды, сфинксы и все такое… Но там в мае может быть уже очень жарко. Впрочем, и в Турции тоже… Хотя у моря жара намного легче переносится…

– Ты только Кристинке пока ничего не говори, – попросила Надежда, которая все еще совершенно не верила в планы, которые они уже начали строить. – На всякий случай…

Но куда там! Дочка как раз в этот момент вихрем влетела в кухню и радостно воскликнула:

– А я уже все слышала, слышала! Это правда? Мы действительно едем на море? Ура! Я увижу море!

И закружилась по кухне, рискуя смести всю посуду, сковородки и кастрюли.

– Погоди скакать, еще ничего не решено! – стараясь, чтобы голос звучал построже, проговорила Надя. – И садись есть, а то опять в школу опоздаешь!

Ей все еще казалось, что этот разговор может так ни к чему и не привести – поболтали и забыли. Но Митя, похоже, и впрямь воспринял идею всерьез, он возвращался к обсуждению снова и снова. Вскоре стало ясно, что с Египтом или Турцией ничего не получится – ни у кого из них не было загранпаспортов, а сделать их до лета они, скорее всего, просто не успеют. Но сообщив эту новость жене и дочке, Митя тут же добавил, что расстраиваться нет причин. Прекрасно можно отдохнуть и в России, это будет даже дешевле. Или, например, в Украине.

– Можно поехать, скажем, в Сочи или в Крым, – говорил он. – На Черное море. Или на Азовское.

– А мы на чем поедем – на самолете или на поезде? – спросила Кристинка.

– Да хоть на машине! – отвечал Митя. – А что? Очень хороший вариант. Не будем привязаны к какому-то конкретному месту, сможем поездить по побережью, все посмотреть…

– Но до моря, даже Азовского, в любом случае, ехать не меньше двух суток, – засомневалась Надя. – Ты же устанешь так долго вести машину!

– А мы куда-то торопимся? – Митя, похоже, уже загорелся идеей автопутешествия. – На ночь будем останавливаться в мотелях или в гостиницах где-нибудь в городах. Да и не только ночью – везде, где понравится. Заодно столько всего интересного по дороге увидим…

– Ух ты, как здорово! – завизжала Кристинка. – Мам, ну давай поедем на машине, а?

И Надя с радостью согласилась с таким предложением. Ведь путешествие на «Форде» означало, что Митя весь отпуск не будет пить – не сядет же он пьяным за руль! А ни о чем лучшем она и не мечтала.

И потихоньку им все удалось. У Мити нашелся знакомый, который отдыхал в позапрошлом году на юге Краснодарского края и остался в общем и целом доволен. Знакомый дал телефон женщины, у которой снимал комнату, Надя созвонилась с ней и договорилась о цене и времени приезда. Маршрут обсуждали всей семьей и решили ехать через Самару и остановиться на ночевку в Саратове, поскольку женской половине семьи очень хотелось увидеть Волгу. Оставшиеся два месяца Надя с Кристинкой как сумасшедшие носились по магазинам в поисках того, что необходимо взять с собой. Они долго и придирчиво выбирали летнюю одежду и обувь, купальники, пляжные полотенца, крема от солнечных ожогов и для загара, надувной матрас и еще целую кучу всяких мелочей, о которых обычно никто и не вспоминает, пока не настанет пора собираться в отпуск. И это были на редкость приятные хлопоты, давшие множество поводов для шуток и веселья. Чего стоили одни только темно-синие плавки «с черепушками», которые Кристинка уговорила маму купить для Мити, уверяя, что это «очень круто». Сама не зная как это вышло, Надя повелась на уговоры дочки, купила-таки эти плавки – и еще больше удивилась, когда Митя, смеясь, заявил, что ему они тоже понравились и он с удовольствием будет в них купаться.

Глядя на радостную дочь, Надя и сама становилась веселее день ото дня. Ведь предстоящая поездка была для нее не просто отпуском, не просто путешествием на море, которого она,

как и Кристинка, тоже никогда еще не видела… Предстоящий отпуск стал своеобразной вехой в их семейной жизни. Надя вдруг поняла, что все эти годы жила совершенно неправильно, постоянно думая за Митю и решая за него, что он может сказать или сделать – вместо того, чтобы говорить об этом с ним самим. Она была уверена, что так хорошо изучила Митины вкусы, привычки и взгляды на жизнь, что чуть ли не лучше его знает, что ему нужно… А оказалось, что она очень и очень сильно ошибалась. И она решила дать себе слово, что отныне все будет по-другому. Их семья еще станет самой счастливой, на зависть всем знакомым!

Весна выдалась ранней и погожей, май стоял теплый, даже жаркий, как по заказу, и сомнений, что море успеет до их приезда как следует прогреться, уже не было никаких. Самый настоящий бархатный сезон! Словом, все шло отлично. И вдруг неожиданно, когда до отъезда оставалась всего неделя, опять заболела Кристинка, и у Нади вновь опустились руки. Но снова обошлось. Девочка, которая и сама уже не могла говорить и думать ни о чем другом, кроме предстоящей поездки, исправно выполняла все указания взрослых и лечилась старательно, как никогда. В результате высокая температура, продержавшись пару дней, спала.

– Ну что же, легкие чистые, дыхание незатруднено, – сказала Ольга Михайловна, убирая стетоскоп.

– Значит, можно ехать море? – так и подскочила Кристинка.

– Я бы не торопилась, конечно, – покачала головой врач. – Вряд ли за такой короткий срок ты полностью выздоровела… Но на поправку пошла точно. И раз у вас уже все запланировано и перенести поездку нельзя… Поезжайте. Будем надеяться, все будет в порядке. Только мороженого по дороге не ешь. – Она подмигнула девочке и повернулась к Наде: – Пусть еще три дня попьет лекарства, которые я прописала, – и можете ехать. Только следи, чтобы она долго не сидела в воде. Да и на солнце тоже, ей ни к чему резкая смена температур. Ну и про мороженое я не пошутила. Пусть бережет горло – ничего холодного… А как приедете – сразу звоните мне.

Надя в ответ лишь благодарно кивала, смущенно улыбаясь и боясь выдать свою радость. Ей было стыдно признаться даже самой себе, что впервые за много лет ее больше волнует не здоровье ребенка, а чуть было не сорвавшийся отпуск. Но едва Надя закрыла за Ольгой Михайловной дверь, как почувствовала, что с души будто упал камень, и стало вдруг легко-легко. Впереди была долгожданная поездка, все сомнения, которые Надежда еще недавно испытывала, улетучились окончательно, и на смену постоянной головной боли и тревоге пришло чувство безграничной радости…

Похоже, маятник ее судьбы снова качнулся в счастливую сторону. И сейчас, когда старенький «Форд» наконец-то мчал их к югу, Надя дала себе слово успеть как следует насладиться этим периодом.

Глава 2
Дмитрий

Дмитрий почти физически ощущал, как зародившееся в глубине души раздражение с каждой минутой разрастается и разрастается, заполняя его всего целиком. И поводом для недовольства была не предстоящая дальняя дорога, не погода, которая под вечер начала портиться, и не сидевшие рядом в машине жена и дочь. Нет, злило его не вдруг посеревшее и нахмурившееся небо, не плачевное состояние трассы (чего еще можно ожидать от российских дорог?), не даже это глупо-восторженное выражение, которое вот уже несколько недель почти не сходило с Надиного лица. Он досадовал на самого себя, за то, что все-таки не сдержался, не сумел справиться с собой. И теперь, как ни пытался бодриться, заставляя себя мобилизоваться, все же чувствовал, что внимание рассеяно и глаза слипаются. Лучшим решением проблемы было бы, конечно, остановиться и хотя бы немного поспать. Но сейчас, когда до Саратова оставалось каких-то несколько десятков километров, идея сделать привал выглядела нелепо. Выскажи он подобное предложение, Надя сразу догадается о его состоянии и опять начнет его пилить… Нет уж, лучше потерпеть некоторое время. Скоро они доберутся до города, остановятся в гостинице, выспятся… А утром все пройдет.

Некоторую зависимость от спиртного Дмитрий за собой, конечно же, знал, но считать себя алкоголиком ему и в голову не приходило. С какой стати? Не так много и часто он пьет, на самом-то деле. И на его здоровье и тем более на личности это вообще никак не отражается. Вот Петрович, бывший заместитель главного врача их клиники, тот перед уходом на пенсию шестиногих крыс по углам кабинета ловил – это да, это алкоголизм. А он что? Подумаешь, выпивает понемногу, чтобы снять стресс… А стресс у него ого-го какой! Работа психиатра без стресса не обходится.

Впрочем, на что он рассчитывал? Ведь психиатром Дмитрий сделался отнюдь не случайно. С самого детства он не сомневался, что станет врачом, и когда его, трехлетнего карапуза, кто-то из взрослых спрашивал, кем он хочет быть, Дима всегда с важным видом отвечал: «Доктолом, как папа и мама». Так часто бывает. Когда кто-то из родителей по-настоящему любит свою профессию, и дома только и разговоров, что о его работе, то совершенно естественно, что ребенок, подрастая, пока еще даже неосознанно примеряет на себя родительскую специальность и решает выбрать именно этот жизненный путь, а не какой-либо иной. Только став профессиональным врачевателем чужих душ, Дмитрий узнал, что бывает и совсем наоборот, когда повышенный интерес матери или отца к своей работе, особенно в сочетании с не менее активным желанием отправить отпрыска по своим стопам, может вызвать как раз обратную реакцию – отторжение и даже ненависть, нередко приводящие к неврозам или личностным проблемам. Но все это Дмитрию стало известно много позже. А в детстве и юности он был только рад, что вопроса «Куда пойти учиться?» для него не существует, поскольку со своим жизненным путем он определился и вполне этим доволен. Более того, он уже в средней школе четко представлял себе будущую специализацию. Теоретически он мог посвятить себя любой области медицины, но уже тогда видел, что психиатрия дает отличную возможность заработка. Если на гастрит или больной зуб люди еще могут махнуть рукой и не лечиться, мол, обойдусь без врачей, и не с таким живут, то душевное здоровье, свое или близких, важно для всех. Консультации у кого-то из четы Щеголевых, без преувеличения лучших психиатров в городе, стоили дорого, но даже при этом к ним было не попасть, график строго расписан минимум на месяц вперед. Родители много работали – но зато и жили они намного лучше, чем большинство знакомых. В доме всегда хватало денег, а благодаря многочисленным знакомствам Щеголевы имели возможность приобретать любой дефицит, от копченой колбасы до новеньких «Жигулей», и минимум два раза в год всей семьей ездили отдыхать: летом в Прибалтику, в Крым или

на Кавказ, а зимой в хороший санаторий где-нибудь здесь же, на Урале. Финансовое положение не сильно изменилось даже тогда, когда умер отец – Димка тогда учился в шестом классе.

Так что с выбором профессии он определился очень рано и с тех пор неотступно шел к своей цели. В школе налегал на математику, биологию и химию, которые и так, впрочем, давались ему легче всего, а летом, уже начиная с восьмого класса, мама всегда устраивала сына санитаром в свою клинику, чтобы он знакомился с будущей специальностью не по книгам и рассказам родителей, а на собственном опыте.

Неудивительно, что вступительные экзамены в медицинский институт он сдал легко, без какого-либо напряжения. Тем более что добрая половина педагогов института, включая завкафедрой Андрея Сергеевича Старицына, были знакомы с Димой. Отвечая на вопросы экзаменаторов, он чувствовал себя так, будто говорил о совершенно обыденных и самых элементарных вещах. Точно так же без особых проблем он и учился все шесть лет. На старших курсах уже вовсю практиковался в клинике родителей, так что в интернатуру, а потом в ординатуру тоже попал без всяких проволочек. Всего за несколько лет Дима зарекомендовал себя как прекрасный специалист. И к двадцати девяти годам (после того как спившегося Петровича спешно отправили на пенсию) стал заместителем главного врача клиники, которую когда-то возглавляла мать, а еще раньше – отец. Казалось бы – чего еще желать? Успешная карьера, обширная частная практика, которая позволяла жить, не беспокоясь о завтрашнем дне. Все шло как нельзя лучше. Но Дима наоборот – чудом не впал в депрессию. Потому что в какой-то момент вдруг четко осознал, что у него нет больше никаких перспектив.

Максимум, на что еще он мог рассчитывать в обозримом будущем, – это должность главного врача. И то не раньше, чем лет через двадцать, а то и тридцать. Его шефиня, главврач, была женщина не старая и весьма энергичная, и дожидаться, пока она освободит свое место, он мог еще очень и очень долго. Да и эта должность – все, потолок. Никаких других вариантов продвинуться по карьерной лестнице у него в родном городе не было. Да, частная практика, это, конечно, хорошо и более или менее денежно… Но не так уж велик их город, и не так много в нем состоятельных людей, которые нуждались в услугах психиатра. Времена наступили такие, что общество четко разделилось на две неравные категории – тонкую прослойку элиты и необъятную серую массу простых людей, у которых не было лишних денег на лечение у частного психиатра. По-хорошему, ему бы стоило уехать из этого города, пока он был еще молод и считался перспективным… Но куда? Дима отлично понимал, что ни в Москве, ни в Питере, ни тем более за границей его никто не ждет, там и своих специалистов полно. В надежде, что его заметят и сделают какое-нибудь выгодное предложение, Дмитрий постоянно практиковался в английском языке, публиковал статьи в международных профессиональных изданиях, активно участвовал в симпозиумах, ездил на всевозможные конференции и повышения квалификации, но ощутимых результатов это не приносило. Так стоит ли удивляться, что он постепенно начал впадать в депрессию и увлекся спиртным? Тем более что и в остальных сторонах его жизни дело обстояло не многим лучше.

К своей семье Дмитрий относился как к чему-то обыденному. Супружеская жизнь, считал он, – это что-то вроде чистки зубов, необходимо для здоровья, да и последующее ощущение свежести по-своему приятное, но ничего особо интересного или радостного в самой процедуре нет, просто повседневная необходимость. Он женился на Наде не по зову сердца и уж тем более не потому, что испытывал потребность создать семью – да у кого из юношей есть такая потребность в двадцать-то лет? Просто так уж сложились обстоятельства.

Будучи профессионалом в области изучения человеческой психики, Дмитрий давно уже разобрался с собой и понял, что совсем не является иллюстрацией к учению *старого доброго дедушки Фрейда*, как называли они с коллегами основателя теории психоанализа. Даже в подростковом возрасте, в период бурного полового созревания, сексуальный вопрос интересовал Диму не столь сильно, как практически всех его ровесников. Тонкости будущей профессии –

многообразие внутреннего мира человека и зыбкая, совершенно неопределенная грань между тем, что считается нормой, и тем, что принято относить к патологии, – занимала его ничуть не меньше, а то даже и больше, чем сфера интимных отношений. Но так уж часто случается в жизни: то, о чем многие мечтают, нередко оказывается у того, кому это не особенно-то и нужно.

Женщинам Дима начал нравиться очень рано. От природы ему достался чуть ли не полный комплект того, что в современной культуре принято считать красивым: большие выразительные глаза, густые волосы, крупные и правильные черты лица, высокий рост и хорошая фигура. Яркая внешность, заставлявшая невольно обращать на него внимание, сочеталась в Диме с уверенностью в себе. Как многие дети, чьим воспитанием и развитием занимались любовно и тщательно, он обгонял сверстников по развитию, и классу к восьмому уже держался и рассуждал совершенно как взрослый. К тому же он всегда был модно и красиво одет, поскольку для Щеголевых не существовало проблемы дефицита. У Димы было все или, по крайней мере, почти все, о чем мечтали его сверстники, от фирменной одежды до магнитофонных записей и пластинок с популярной зарубежной музыкой. И разумеется, подобное сочетание всевозможных достоинств не могло не вызывать интереса у девушек. Чуть ли не все девушки школы были влюблены в Диму Щеголева, ему писали записки, обрывали телефон и назначали свидания. Самому ему даже не нужно было проявлять инициативу – он просто шел девушкам навстречу. Успех у прекрасного пола льстил его самолюбию и значительно поднимал его в глазах друзей – а какой парень от этого откажется? Дима не заводил ни с кем длительных отношений, поскольку не испытывал ни к кому сильных привязанностей, и встречался со всеми симпатичными девчонками, стараясь никого не обижать, но и особо никого не обнадеживать. Когда он приобрел первый интимный опыт с одной из медсестер из родительской клиники, ему не исполнилось еще и пятнадцати лет. И далее все шло по той же накатанной схеме – сначала в школе, потом в институте. До тех пор, пока не случилась эта история с Надей, которая, к его удивлению, здорово выбила его из колеи.

К Наде Димка относился не лучше и не хуже, чем к другим девчонкам. Да, она нравилась ему – нравилась пышная грудь и точеная фигурка, нравился ясный искренний взгляд, нравилась Надина доброта, неиспорченность и какая-то незащищенность… Но точно так же, как Надя, ему нравились и другие девчонки. Конечно, Дима видел, что Надюшка влюблена в него, и старался быть с ней помягче, чтобы не ранить ее чувств – и потому, что не хотел заставлять ее страдать, и потому, что терпеть не мог всех этих женских штучек: сцен, разборок, слез и обвинений. Надя вроде бы не производила впечатления человека, способного на подобные вещи, но мало ли… И раз уж так вышло, что они случайно оказались в одной постели, Дима приложил все усилия, чтобы у Нади остались о той ночи самые приятные воспоминания и при этом бы не возникло никаких иллюзий насчет совместного будущего.

Известие о том, что Надя беременна, стало для него полной неожиданностью. Димка настолько привык иметь дело с опытными партнершами (если не считать еще одной, столь же случайной, истории еще в школе, Надюшка была единственной девственницей, с которой ему довелось заниматься сексом), что никогда сам особенно не заботился о контрацепции. В ту новогоднюю ночь он тоже был уверен, что уж кто-кто, а студентка-медик должна знать, откуда берутся дети, и принять меры предосторожности. Но просчитался.

После того как Ларка рассказала ему о Наде, Дима некоторое время был в шоке, а потом отправился за советом к матери, как привык всегда поступать в проблемных ситуациях. Реакция мамы его удивила. Даже толком не дослушав сбивчивое повествование, она со свойственной ей решительностью и твердостью заявила сыну, что он должен жениться на Наде.

– Рановато, конечно, идти под венец в девятнадцать лет, – сказала она. – Но раз уж так все сложилось… Такими вещами, как материнство, не шутят, Димка. Думаю, тебе не нужно рассказывать, как вреден для женщины первый аборт. Тем более в такой ситуации, как у Нади. У нас с твоим отцом не было проблем с резус-фактором – и то я смогла тебя родить уже только

после сорока, к тому же, что называется, чудом. А все потому, что понаделала в юности много глупостей… К тому же Надя – девушка хорошая, скромная, хозяйственная, да и тебя любит, прямо не надышится. Она будет тебе прекрасной женой. Заботливой и… как бы это сказать, нетребовательной. А я хотя бы успею внуков понянчить. У меня все подруги уже давно стали бабушками, одна я как белая ворона.

Дима подумал, подумал – и пришел к выводу, что мама права. Как всегда.

И надо сказать, что, несмотря ни на какие сложности, он ни разу не пожалел о принятом решении. Надя действительно оказалась хорошей женой, так что Дмитрий очень скоро понял, насколько *удобно* быть женатым человеком. Раньше, когда он рос и учился в школе и институте, родители вечно были так заняты работой, что значительная часть семейных обязанностей лежала на нем. А с появлением в его жизни Нади у него резко не стало вообще никаких бытовых проблем. Ему не нужно было заботиться о еде и об уборке, о чистоте и сохранности своей одежды, о ведении семейного бюджета и тому подобных житейских мелочах, каждая из которых вроде бы мала, как ручеек, но, сливаясь вместе, превращаются в целое море, в котором с непривычки можно и утонуть.

К тому же наличие штампа в паспорте и кольца на пальце, которое Дима, к радости супруги, носил, не снимая, помогало ему решать проблемы с другими женщинами. Он сразу давал им понять, что женат и менять свой статус не собирается. А значит, рассчитывать им не на что. Ну разве что на легкую, ни к чему не обязывающую интрижку. Переспать с кем-нибудь из них разок-другой он, конечно, мог – но не больше.

И долгое время подобное положение вещей Диму устраивало. До тех пор, пока он вдруг не почувствовал, что ему надоело все, вся его жизнь – работа, семья, женщины… Все это опротивело ему до такой степени, что впору было хоть в петлю лезть.

– А что тебя в этом удивляет? – сказал ему старший коллега, с которым Дмитрий решил посоветоваться. – Закономерное явление – седьмой кризис по Эриксону. Типичная картина. Только у тебя он начался чуть раньше времени. Обычно мужиков он накрывает где-то в сороковник, а тебе…

– Тридцать три. Возраст Христа, – хмуро пробурчал Дима. Подобное объяснение, хоть и лежащее на поверхности, даже не пришло ему в голову. Как-то не хотелось объяснять свое состояние банальным кризисом среднего возраста. Хотя, если задуматься, доля истины в этом была…

Ну что ж, на то он и профессионал, чтобы справляться с психологическими кризисами, неважно, чужими или собственными. Дмитрий занялся самоанализом и пришел к выводу, что глобальных перемен в личной жизни он, собственно, и не желает. В семье его все устраивает. Он любит дочку, он привык и по-своему привязался к Наде, которая, конечно, скучна как осенний дождь, но, по крайней мере, с ней ему удобно. А вот что касается профессиональной стороны – тут, конечно, необходимо что-то менять. Но ни способов, ни путей к этому Митя не видел.

«Я просто устал, – сказал он себе в конце концов. – Мне нужен отдых, возможно, новые впечатления…» И когда спустя всего несколько дней Надя сказала ему, что врач рекомендовала отвезти Кристинку на море, Дмитрий воспринял это почти как знак судьбы. И правда, почему бы им всем вместе не съездить куда-нибудь? Дочка уже большая, хлопот с ней не будет. Кристинка будет просто счастлива увидеть море, да и Надюха, похоже, мечтает об этом не меньше…

Вот так все и вышло. Глядя на жену и дочь, Дмитрий тоже загорелся идеей поездки на автомобиле. Отчего-то он не сомневался, что легко перенесет отказ от алкоголя, хотя бы на время дороги. Но стоило ему в тот жаркий суматошный день сесть за руль и, едва они тронулись с места, увидеть в руках у двух перебегающих улицу подростков жестяные банки с узнаваемой эмблемой, как ему вдруг отчаянно захотелось пива. Холодного светлого пива в запотевшей

бутылке… Чтобы с хлопком открыть крышку, увидеть вырвавшийся на волю дымок, вдохнуть приятный аромат и сделать освежающий глоток прямо из горлышка… А потом еще и еще… Вот был бы идеальный способ утолить жажду!

«Это просто от жары», – сказал себе Дмитрий и постарался отвлечься на что-то другое. Он переключился на дорогу, на разговор с Надей о том, где и во сколько им лучше сделать остановку… Но чем дальше они ехали, тем сложнее было отвлекаться. В голову навязчиво лезла мысль, что от одной бутылки пива не случится ничего страшного. Вот только Надя этого не поймет, начнет пилить… После обеда, за которым он, конечно, ничего себе не позволил, сделалось особенно тяжко. И ближе к вечеру Дима решил пойти на хитрость.

Он начал внимательно оглядываться по сторонам и скоро увидел именно то, что искал: магазинчик, где продавались продукты и всякая необходимая в дороге мелочовка, а на другой стороне, чуть поодаль – небольшую детскую площадку со сделанными, видимо, каким-то местным умельцем резными деревянными качелями.

– Кристинка, не хочешь покачаться? – спросил он у дочки, заранее зная ответ – качели были ее слабостью. Разумеется, девочка с восторгом согласилась.

Расположившись на резной лавочке, они перекусили пирожками из кафе и другими съестными запасами, прихваченными из дома хозяйственной Надей. Кристинка, еще не успев дожевать яблоко, помчалась к качелям, а Дмитрий, не спеша выкурив трубку, повернулся к жене:

– Надюш, ты побудь с ней на всякий случай. Трасса рядом, мало ли что…

– А ты? – Надя подняла глаза от сумки, в которую упаковывала остатки пиршества.

– А я вон в магазин загляну, – небрежно ответил Дима. – Куплю на всякий случай воздушный фильтр про запас.

Фильтр он, конечно, купил, прямо начал с этого. Но потом подошел к другому прилавку и обратился к молодой полной продавщице:

– Пиво у вас какое?

Та, строя ему глазки, перечислила несколько названий ходовых сортов. Дмитрий поморщился.

– И все? – разочарованно спросил он.

– Все, – кивнула толстуха.

– Ну дайте вот это, что ли… – Он показал на одну из бутылок. – Только холодное.

– А холодного нет, – отчего-то даже радостно сообщила продавщица. – Холодильник с утра сломался, и до сих пор не починили.

Дмитрий дотронулся до бутылки – теплая, как вода в ванне.

– Тогда ничего не на… Хотя нет, – махнул он рукой. – Коньяк стограммовый есть?

– Коньяк есть, – заулыбалась продавщица.

– Тогда коньяк, «Антиполицай» и какую-нибудь мятную жвачку позлее. Сколько с меня?

«Нехорошо, конечно, пить коньяк, когда ты за рулем, – пронеслось в голове. – Ну, да я только пригублю…»

И, договорившись таким образом со своей совестью, Дмитрий тут же отошел на пару шагов от прилавка и сделал несколько глотков из горлышка «мерзавчика». Надо было остановиться после первого же, но очень уж хотелось выпить…

«Ладно уж, прикончу, – решил Дмитрий. – Не оставлять же… От ста грамм ничего не будет. Мне это – как слону дробина, на меня алкоголь не действует, да и выветрится быстро. Пост ГАИ еще не скоро, пока доедем до Саратова, я уже буду как огурчик».

Выпил в несколько глотков коньяк, «закусил» «Антиполицаем», сунул в рот сразу три подушечки жвачки и вернулся к жене и дочке.

– Что ты так долго? – осведомилась сидевшая на скамейке Надя.

– Очередь была, – беспечно ответил Дима и обратил внимание на то, что на улице уже начало смеркаться. – Мужик передо мной тормозной попался, сам не знал, чего хочет. Ну, что, в путь?

– Мить, а ты уверен, что нам обязательно надо ехать до Саратова? – спросила вдруг жена. – Может, переночуем где-нибудь поближе? Ты не устал? У тебя что-то глаза красные.

Увидев, что жена начала принюхиваться и с подозрением поглядывать на него, Дима отступил на шаг от скамейки и бодро ответил:

– Надь, ну что ты еще придумала? Где мы будем тут ночевать? Да и до Саратова остался какой-нибудь час езды, ну, может, немного больше. Наоборот, лучше доехать туда сейчас, по холодку, чем тащиться завтра днем по жаре.

Но жена все еще колебалась:

– Похоже, дождь собирается, – с сомнением проговорила она, поглядев на небо, которое на глазах затягивало свинцовыми тучами.

Но Дмитрия такие мелочи не смущали. Его настроение значительно улучшилось после коньяка.

– Ну и что? – отмахнулся он. – Ты ж сама слышала, как по радио сказали: «Переменная облачность, возможны кратковременные дожди». Кратковременные! Было бы о чем говорить… Так что давай, двинулись.

– Кристина! Пора! – крикнула Надя, и девочка сразу же послушно спрыгнула с качелей.

Надины опасения насчет погоды оказались не напрасны. Небо и впрямь нахмурилось, впереди не наблюдалось никакого просвета, так что чем дальше они ехали, тем темнее становилось вокруг. Видимость с каждой минутой ухудшалась, встречные машины слепили дальним светом, пролетая мимо с оглушительным визгом. У Дмитрия заболела голова, и его стало неудержимо клонить в сон. Пытаясь сконцентрировать ослабленное и рассеянное алкоголем внимание, он крепко сжимал в руках руль и на чем свет стоит проклинал отечественные дороги – тот участок трассы, по которому они ехали, был плохо освещен и не ремонтировался, наверное, еще с советских времен, – сплошные ямы и ухабы. Не сдержавшись, Дмитрий выругался себе под нос и, взглянув на жену, увидел, что Надя задремала – точно так же, как и Кристинка, которая засопела носом, едва они только отъехали от магазина и детской площадки.

На ветровое стекло со стуком упала первая тяжеля капля, следом за ней еще одна. И еще… Вскоре стекло все покрылось каплями и стало мокрым, как та бутылка пива, о которой недавно так мечтал Дмитрий. А потом по стеклу и вовсе поползли длинные ручьи воды – за окном начался ливень. К шуму проезжающих по встречной полосе машин прибавился мерный рокот дождя: капли ритмично постукивали по крыше автомобиля, убаюкивая словно колыбельная. Видимость стала совсем никудышней.

Глава 3
Полина

Двигаясь за неторопливо ползущей впереди серебристой иномаркой и всеми силами стараясь не терять ее из виду, Полина чувствовала себя героиней шпионского романа. Или фильма. Иногда ей снилось что-то подобное – будто все происходящее на самом деле не жизнь и не сон, а действие книги или съемки кино. Помнится, в студенческие годы они много говорили об этом с подругой, толстушкой Наташей. Наташка очень интересовалась этой темой, тщательно записывала сны всех, кто готов был ей их рассказывать, пыталась анализировать сновидения с позиций разных научных школ, начала даже исследование для диссертации, но потом забросила. Не до того стало Наташке – вышла замуж, родила детей и, похоже, навсегда поставила крест на карьере. Если б она, Полина, в прошлом году не перетащила ее к себе, то Наталья так и прозябала бы в своей районной поликлинике на три четверти ставки. Так что, усмехнулась Полина, Наташке здорово повезло, что ее подруга оказалась не такой ленивой и к тридцати годам стала заместителем главного врача лучшего в области загородного неврологического центра. Можно сказать, прекрасная карьера для женщины ее лет, тут у Полины есть все основания гордиться собой. Не то что личной жизнью… Впрочем, и здесь еще далеко не вечер. Она знает, чего хочет, и будет идти к своей цели во что бы то ни стало.

Впоследствии, вспоминая ту поездку и те мысли, которые роились в голове, пока она вела машину, Полина не раз удивлялась самой себе. Как она вообще решилась на такой шаг, откуда взялась в мозгу подобная идея? Но ведь не отказалась она от нее, не выбросила как бредовую, а тщательно обдумала свой дерзкий план, учла все детали и все-таки отважилась воплотить его в жизнь. Исполнить задуманное, конечно, было непросто – но, как говорится, легкой жизни никто и не обещал. Полина как следует подготовилась, попыталась спрогнозировать и учесть все возможные непредвиденные повороты событий и теперь ехала по шоссе, стараясь держаться на некотором расстоянии от серебристого автомобиля, чтобы не мозолить глаза, но и ни на минуту не упуская его из поля зрения. Честно признаться, Полине было несколько не по себе. Нет, она ни секунды не сомневалась в правильности своих действий, беспокоило другое – а что, если задуманное не удастся? Ведь расстроить планы мог любой пустяк. Например, они могли потеряться по дороге. Полина уговаривала себя, что волноваться не о чем, вряд ли тот, за кем она следует, надумает свернуть куда-то с основного шоссе. Скорее всего, так и будет ехать по нему до самого Саратова, трасса-то одна… Однако на душе все равно было тревожно. А вдруг?.. Ну, вдруг он изберет какой-то другой, окольный, путь, решит подсократить расстояние и свернет на какую-нибудь проселочную дорогу? Или решит заехать куда-нибудь, к какому-нибудь приятелю, который живет как раз в этих краях? И тогда Полина упустит его. А это совсем не входило в ее планы.

Как, впрочем, и испортившаяся погода. Еще несколько часов назад, когда они отъехали от придорожного кафе, ничто не предвещало ливня – и вдруг, буквально в считанные минуты, небо затянуло тучами и полило сплошной стеной. Полина выругалась. Хоть она и была опытным водителем – больше тринадцати лет за рулем, не шутка! – но терпеть не могла управлять автомобилем в дождь, тем более в темное время суток. А сейчас уже как раз вечерело, к тому же дорога пошла через густой лес. Дождь хлестал с неимоверной силой, и Полине пришлось решать непростую задачу – сосредоточиться на управлении машиной и одновременно стараться не терять из виду серебристый автомобиль. Но это было нелегко, свет его фар еле-еле пробивался сквозь густую пелену дождя.

Немного подумав, Полина решила прибавить скорость и нагнать автомобиль. Не произойдет ничего страшного, если расстояние между ними сократится, в подобных обстоятельствах она практически ничем не рискует. Машина у нее неприметная, таких тысячи, а раз-

глядеть, кто сидит за рулем, как и номер, сейчас практически невозможно. Отметив боковым зрением, что в пределах видимости на шоссе больше никого нет, Полина нажала на педаль газа и стала нагонять едущий впереди автомобиль. Водитель сначала не обратил внимания на ее маневр и заметил Полину, когда она была уже близко. Видимо, он решил, что она пошла на обгон, занервничал, резко принял в правую сторону и вдруг, очевидно не справившись с управлением, со всего размаху врезался в столб. От удара автомобиль перевернулся и кубарем покатился по шоссе. Все произошло так неожиданно и так быстро, что Полина даже не успела осознать, что случилось. Она инстинктивно ударила по тормозам, но столкновения уже было не избежать. Последнее, что она видела, – это перевернутый серебристый автомобиль, который летел прямо в ее лобовое стекло. Послышался глухой звук удара, и она потеряла сознание, не успев даже толком испугаться.

* * *

Полина медленно открыла глаза. Что произошло? Неужели она жива? Она осторожно повернула голову и убедилась, что шея цела, только сильно болит. Полина сделала несколько осторожных движений, проверяя, не сломала ли она себе что-нибудь. Нет, судя по всему, обошлось. Похоже, ей повезло и она отделалась неопасными ранами. В том, что произошла авария, Полина не сомневалась, но починить после такого удара машину будет невозможно. Стекла были разбиты все до единого, в окнах торчали обломки веток. Должно быть, автомобиль задел куст, когда слетел с дороги.

Через разбитое лобовое стекло рассмотреть, что творится снаружи, было практически невозможно. Также мешала и темнота с густым дымом, который валил из-под капота. Увидев дым, Полина поняла, что нужно срочно выбираться из машины, поскольку та может взорваться в любую минуту. Полина плохо представляла себе устройство автомобиля, но, будучи здравомыслящим человеком, понимала, что если при аварии поврежден бензобак, то она может сгореть заживо в собственной машине. Полина старалась сохранять спокойствие, но тело все равно дрожало. «Спокойно! Это шок, всего лишь шок. Надо взять себя в руки», – мысленно повторила она несколько раз и попыталась отстегнуть ремень безопасности, который, как назло, заклинило.

«Ну, давай же… Давай, мать твою!» – сдавленно прохрипела она. К горлу уже подкатывал ком, и Полина готова была расплакаться от бессилия. Наконец, проклятый ремень поддался, и она вылезла из автомобиля. Несмотря на боль во всем теле, Полина рванула подальше в сторону и приготовилась к самому худшему.

Олнако прошло несколько минут, и она осознала, что взрыва не произойдет – дождь, который несколько поутих, залил капот, и дыма больше не было видно. Полина опустилась на мокрую траву, прислонилась спиной к дереву и закрыла лицо дрожащими руками. Ее бил озноб, но, как ни странно, ни страха, ни каких-либо иных сильных чувств она не испытывала. Было такое ощущение, что организм, переживший стресс, потратил все силы на соматические реакции, а на эмоции его уже не хватило.

Полина просидела так совсем недолго, меньше минуты, но ей показалось, что прошла целая вечность, пока сердце немного успокоилось и дыхание стало более ровным и не таким судорожным. Она поднялась на ноги. Дождь все еще хлестал, но теперь это представлялось меньшим из зол. От удара машина вылетела с шоссе и оказалась в кювете, так что теперь Полина находилась всего в нескольких метрах от дороги. Достав мобильный телефон, который чудом уцелел в кармане и даже работал, Полина решила использовать его экран в качестве фонарика, и посветила на себя. Вроде все не так плохо. Брюки порваны, из пореза на колене сочится кровь, но рана не опасная; руки расцарапаны, однако целы, и голова – она ее ощупала –

тоже цела. Хотя два подряд удара головой – совсем не шутки. Но, судя по всему, обошлось без сотрясения мозга. «Как же тебе повезло! – подумала она. – Могла и погибнуть…»

И тут сознание точно раскаленным гвоздем пронзило: Дмитрий! Как она могла забыть о нем?! Ведь она врезалась именно в его автомобиль!.. Который перевернулся после того, как угодил в столб. О Господи, и у нее, Полины, это совершенно вылетело из головы… Вот что значит шок! Нужно немедленно найти Дмитрия, может, он еще жив, может, ему необходимо срочно оказать помощь…

С немалым трудом Полина сделала несколько шагов. Ее шатало, голова кружилась, глаза застилала пелена, к горлу подступала тошнота, но она волевым усилием заставила себя двигаться. Вышла на шоссе, огляделась и в свете придорожных фонарей почти сразу увидела то, что искала, – перевернутый серебристый автомобиль. Точнее, то, что от него осталось. Иномарка, которую она преследовала, превратилась в искореженную груду металла, вокруг валялись отлетевшие при столкновении детали, не было одной двери, стекла разбиты, а асфальт вокруг усыпан осколками и залит кровью. По корпусу машины барабанил дождь. Звук капель казался Полине таким громким, что буквально резал слух. Но самой страшной деталью картины была маленькая фигурка, неподвижно лежащая на обочине перед автомобилем, вся усыпанная тускло поблескивающими в свете фонарей осколками. Полина сразу догадалась, что это дочка Дмитрия, Кристинка, хотя никогда не видела ее прежде, знала только по фотографиям. Поняла Полина и то, что помочь девочке ничем нельзя – очевидно, та вылетела через лобовое стекло и ударилась об асфальт. Вид и положение ее тела не оставляли сомнений в том, что удар был смертельный, но Полина все-таки подбежала к девочке и посветила мобильником на ее лицо, чтобы внимательнее осмотреть. Ну, конечно же, черепно-мозговая травма, несовместимая с жизнью. Ничего удивительного…

Исключительно для очистки совести Полина осторожно раздвинула слипшиеся от крови волосы и приложила руку к шее ребенка. Нет, разумеется нет, никаких признаков пульса. Все кончено.

Вот теперь Полине стало по-настоящему страшно. Страшно настолько, что на мгновение мелькнула мысль сбежать, умчаться со всех ног с этого места, чтобы не видеть, что произошло, чтобы никогда этого не узнать… Но Полина тут же осудила себя за эту минутную слабость. «Немедленно соберись!» – приказала она себе, и это, как ни странно, помогло. Она несколько раз глубоко вдохнула и шагнула к перевернутому автомобилю.

Сознание стало на удивление ясным, тело перестало дрожать, и на душе стало как-то неестественно спокойно, будто она не сама участвовала в происходящем, а наблюдала за всем со стороны. Еще раз глубоко вздохнув, Полина рванула на себя дверь со стороны водительского сиденья. Та поддалась не сразу, но Полина не собиралась сдаваться, она дергала все сильнее, сломала два ногтя, но даже не заметила этого, потому что, в конце концов, добилась своего. Не случайно говорят, что в экстремальных ситуациях человек способен на многое. Дверь распахнулась, и Полина заглянула внутрь, продолжая использовать телефон как фонарик.

Она увидела безжизненно свисающую мужскую руку, остальное тонуло во мраке. Дмитрий! Полина дотронулась до руки и нащупала пульс. Пульс был, хоть и слабый, и Полина вздохнула с облегчением. Значит, жив, значит, еще не все потеряно!..

– Дмитрий! Дима! – позвала она, продолжая светить на раненого. Дмитрий не отзывался, он был без сознания.

«Так, надо «Скорую», срочно!» – подумала Полина и торопливо нажала нужные кнопки. Кратко, но внятно и четко она сообщила всю информацию и, завершив разговор, снова вернулась к раненому.

– Дима, это я, Полина, – позвала она. – Я вызвала «Скорую», сейчас они приедут и вытащат тебя. Держись! Я рядом, все будет хорошо…

Но Дмитрий никак не реагировал на ее слова. Полина попыталась, насколько это было возможно в подобных условиях, осмотреть Диму и хотя бы в общих чертах понять, в каком он состоянии и насколько сильно пострадал. И только спустя некоторое время до нее дошло, что в салоне не один раненый, а два. Сразу за Дмитрием, почти привалившись к нему, лежала его жена. И она тоже не подавала признаков жизни. Но Полине было не до нее. Она вглядывалась в бледное лицо любимого мужчины и была готова молиться всем богам, только бы его удалось спасти. Как завороженная прислушивалась она к еле-еле различимым вдохам и выдохам и мысленно считала их, будто от этого что-то зависело. Он такой родной, такой знакомый и близкий здесь, живой (пока еще живой, поправила она себя в приступе отчаяния). Сейчас Дмитрий был ее, только ее…

«Ты не уйдешь от меня, – твердила она. – Все будет хорошо. Мы будем вместе. Всегда!»

Послышался шум подъезжающей тяжелой машины, шоссе осветилось огнями фар. «Грузовик», – мысленно отметила про себя Полина. У нее даже нашлись силы удивиться, что за все время после аварии это была первая машина, которая проехала мимо. Да, конечно, этот участок трассы не очень оживлен, но не настолько же… Однако, взглянув на часы, женщина изумилась – оказывается, даже по самым грубым прикидкам, с того момента, как она решила догнать автомобиль Дмитрия, до данной минуты не прошло и четверти часа. А показалось, что минула целая вечность – таким насыщенным стал этот краткий временной отрезок. Тем временем грузовик, точнее, эта была фура дальнобойщика, сбавил скорость и затормозил, не доезжая нескольких метров до места аварии.

– Эй, вы там в порядке? – крикнул, перекрывая шум дождя, грубоватый мужской голос из кабины.

– Я-то да… – неохотно отвечала Полина, поднимаясь на ноги. У нее сейчас не было совершенно никакого желания с кем-то разговаривать, но она понимала – если уж проезжающие остановились, то контакта с ними теперь не избежать.

Дверь кабины распахнулась, и на мокрый асфальт спрыгнул невысокий, крепко сбитый мужичок в майке и пузырящихся на коленях спортивных штанах.

– Твою мать! – пробормотал он, оглядывая перевернутую машину. – Водила-то где? Жив?

– Жив. Он внутри, – без особого энтузиазма откликнулась Полина. Она совсем не была рада непрошеным свидетелям, с большей охотой она дожидалась бы сейчас приезда «Скорой» в одиночку, наблюдая за состоянием Дмитрия. Но она понимала, что быстро спровадить дальнобойщика, ей не удастся.

– Так надо ж его вытащить! – послышался другой голос, явно моложе. Из фуры показался второй водитель, взъерошенный рыжеватый парнишка максимум лет двадцати. Судя по тому как он двигался и потягивался, парень спал в машине и только что проснулся.

– Ни в коем случае! – резко осадила его Полина. – Это должны делать только специалисты. Я уже позвонила в «Скорую».

– А вдруг рванет? – усомнился парнишка.

– Не рванет, – уверенно заявил старший водитель и принялся объяснять молодому напарнику, почему ни взрыва, ни возгорания не произойдет.

Полина слушала его вполуха. Ей было важно только то, что Дмитрию пока ничто не угрожает… Во всяком случае, больше того, что с ним *уже* произошло. Стоя под дождем, промокшая насквозь, Полина ни на шаг не отходила от искореженной машины и то и дело заглядывала внутрь, будто за несколько мгновений в салоне могло что-то измениться.

– Мать честная! – ахал тем временем парнишка, который только сейчас заметил лежащую перед автомобилем Кристинку. – Она что же, мертвая?

– Да похоже на то, – отвечал его напарник.

– Хрена ж себе… Ребенок совсем… – судя по интонации, парень первый раз в жизни столкнулся со смертью.

– А что поделаешь? Все под Богом ходим, – глубокомысленно изрек первый водитель.

– И как же его так угораздило? – вздохнул молодой дальнобойщик. Он поспешил отвернуться от тела девочки и теперь рассматривал разбитый «Форд».

– Да хрен его знает, – говорил старший. – Дождь ведь, грязюка, все развезло… А может, сломалось чего. А, может, пьяный был…

От этих слов Полина так и вздрогнула. И совсем не потому, что водители говорили о Дмитрии (ее Дмитрии, человеке, который был смыслом ее жизни!) в прошедшем времени, как об умершем. Слух резануло слово «пьяный». Перед глазами тут же мелькнула сцена, происходившая всего час или два назад, но казавшаяся теперь такой далекой… Остановив машину на противоположной стороне дороги, она, Полина, отлично видела через окно придорожного магазинчика, как Дима, подошел к прилавку и купил коньяк, а после, отступив к окну, в несколько глотков выпил его. Тогда Полина не придала этому значения. Она знала, что Дима неравнодушен к спиртному, но всегда полагала, что на его крепкий организм алкоголь действует не так сильно, и раз уж Дмитрий решил выпить, находясь за рулем, значит, в этом нет ничего особенного, он не маленький и знает, что делает. А оно вон чем обернулось… Только сейчас Полина задумалась о том, что же, собственно, случилось на дороге и отчего произошла авария. Явно, что ее вины в этом нет никакой, но сейчас эта мысль совсем не принесла ей ни облегчения, ни радости. Ответственность за случившееся полностью лежала на Диме. А раз так, то когда он поправится («*Если* поправится», – шепнул внутренний голос, и по телу тотчас пробежал мерзкий холодок), его ждет суд, приговор и тюрьма… Это осознание поразило Полину настолько, что она замерла на месте.

Из оцепенения ее вывел пульсирующий свет мигалки и звук подъезжающей машины «Скорой помощи». Полина замахала руками. Она светила экраном телефона, стараясь привлечь внимание водителя «Скорой».

– Сюда! – закричала она. – Скорее!

Почти следом за врачами прибыла и милиция, и тогда началась суета, все закрутилось и завертелось…

Водителя и его пассажирку извлекли из покореженного автомобиля на удивление быстро. Санитарка едва успела оказать Полине первую помощь, обработав раны, – а Дмитрий и Надежда в это время уже лежали на носилках, заботливо прикрытые одеялами. Кристинку завернули в черный пластик и увезли. Дождь к этому моменту наконец-то перестал.

Чтобы не терять даром времени, Полина попросила сотрудника милиции сразу же записать ее данные и показания, сообщила, кто они и откуда, и выдала версию, которую успела сочинить, пока ожидала «Скорую». По ее словам, они с друзьями ехали отдыхать на Черное море в Краснодарский край и собирались сегодня заночевать в Саратове. Если б она только знала, чем обернется эта задумка! Все произошло на ее глазах, дождь был не таким сильным, и она хорошо видела, что у Димы, судя по всему, что-то случилось с управлением. Его автомобиль съехал на скользкую обочину, машину занесло, и она врезалась в столб. А ее, Полины, машина, врезалась в автомобиль Димы.

Едва расспросы милиционера закончились, Полина вскочила и подбежала к суетившемуся около раненых невысокому седому врачу.

– Как он? – тревожно спросила Полина у врача и, увидев замешательство на его лице, поспешно добавила: – Говорите все как есть. Я врач, замглавного в неврологическом центре «Лесная поляна».

От волнения она забыла, что находится далеко от дома, в Саратовской области, и местный доктор со «Скорой» никогда и слыхом не слыхивал ни о какой «Лесной поляне». Коллега все же вселил в ее сердце робкую надежду, объяснив, что значительных внутренних повреждений у раненого при первом беглом осмотре не обнаружено, однако черепно-мозговая травма внушает серьезные опасения, тут необходима томографическая диагностика.

– Придется везти в областную, в нашей больничке нет подходящего оборудования… Отправим обоих, – добавил он, кивая в сторону Нади. – Женщине вроде бы больше повезло, у нее только переломы. Она уже очнулась, но все еще в шоке.

– Ну, и слава богу, – Полину сейчас мало интересовало состояние жены Дмитрия, ее беспокоил только он сам.

– Я поеду с ним, – тоном, не терпящим возражений, заявила она.

– Вы считаете, что вам все-таки нужна помощь? – не понял ее врач. – Но вы же сами только что подписали отказ от госпитализации…

– Нет-нет, – уверила его Полина. – Со мной все в порядке. Но я хочу поехать с Дмитрием.

– Так вы знаете пострадавшего? – удивился и обрадовался врач. – Что же вы сразу не сказали? Тогда давайте скорее форму заполним. А то пока еще милиция документы обнаружит, пока его данные нам сообщат… Как его зовут, сколько лет, есть ли какие-нибудь хронические заболевания? Противопоказания к лечению?

– Его зовут Дмитрий Сергеевич Щеголев, тридцать три года, – отчеканила Полина. – Врач-психиатр, прописан и живет в Челябинске. Хронических заболеваний и противопоказаний, насколько я знаю, нет.

– А про нее что скажете? – врач кивнул в сторону других носилок.

– Только то, что ее зовут Надеждой. Она его жена, скорее всего, тоже Щеголева. Кажется, они ровесники. Больше я ничего не знаю.

– Что ж, тогда поехали, – кивнул врач.

– Минуту, я только возьму сумку, – спохватилась Полина и вернулась к своей машине. Чемодан с одеждой, конечно, придется оставить в багажнике, ну, да и черт с ним, сейчас это совершенно не важно. Имеет значение лишь то, что деньги вместе с документами у нее в сумочке, а деньги Полине в ближайшее время могут очень пригодиться. Она уже почти пришла в себя, если б не боль в шее и не головокружение, можно было бы сказать, что она в полном порядке.

«Дима, Димочка, ты слышишь меня? – едва шевеля губами, шептала Полина, сидя рядом с раненым на жестком стульчике в «Скорой» и осторожно поглаживая руку любимого мужчины. – Не волнуйся, теперь все будет хорошо. Я с тобой. Я спасу тебя…»

В тот момент она дала себе клятву, что сделает для его спасения все возможное и невозможное. Теперь, когда судьба дала ей еще один шанс, она никому не позволит отнять у нее Диму. Он ее и только ее!

Глава 4
Дмитрий

Дмитрий медленно открыл глаза, но это ему мало что дало – вокруг все было неестественно белым, будто в густом тумане. Он видел, что мимо снуют какие-то тени, похожие на человеческие фигуры, но, как ни напрягал глаза, уловить четких очертаний не мог. Сознание постоянно куда-то уплывало. Память никак не возвращалась, и Дима не мог понять, где он, что происходит с ним сейчас и что было до того, как он попал в этот странный белый туман. Голова раскалывалась от острой боли, словно в нее вонзили нож. Тело тоже болело, но не настолько сильно, глаза слезились, из-за чего сфокусировать взгляд было очень сложно. Дмитрий попытался пошевелить рукой, подняться, сесть, сделать хоть что-нибудь, но тело не слушалось, мозг не воспринимал команд. «Парализован…» – мелькнула мысль.

Дима попытался сосредоточиться на тенях, снующих вокруг него, но единственное, что ему удалось, – это не потерять их из виду. Ценой невероятных усилий он немного повернул голову, тут же ощутил резкую боль в висках и снова потерял сознание.

В следующий раз, когда Дмитрий очнулся, в голове его сложилась уже вполне осознанная мысль: «Я умер». Он снова попытался найти глазами белые тени, но на этот раз окружавший его мир изменился. Дмитрий видел, что его окружают голубые стены, которые куда-то плывут, как если бы его везли на машине или на лодке. Фигуры вокруг тоже изменились – теперь они не были белыми, а их очертания, ставшие чуть более четкими, совершенно явно светились странным темно-красным цветом. Перед глазами постоянно мелькали тусклые огоньки, сменявшие друг друга в одном стройном ритме. Но сколько Дима ни пытался сконцентрироваться, он не мог понять, где он. Он не помнил, что произошло с ним, но откуда-то совершенно точно знал, что случилось что-то ужасное, что могло повлечь за собой его смерть. Вспомнить бы только, что именно… Но это оказалось невозможно. В сознании мелькали какие-то образы, обрывки фраз, имена… Дима чувствовал, что все это ему знакомо, но как, почему? Ничего конкретного – он будто потерял всякую способность разумно мыслить.

С огромным трудом Дмитрий разлепил пересохшие губы и спросил: «Где я?» Во всяком случае, он думал, что сделал это. Движение вокруг на секунду прекратилось, тени замерли и повернулись к нему. Дима не видел глаз, но чувствовал, что на него смотрят. Он попытался сконцентрироваться и сказать что-то еще, но это оказалось ему не по силам. Сознание вновь его покинуло.

На этот раз забвение длилось недолго. Когда Дмитрий открыл глаза, то увидел уже привычную картину – движущиеся стены и тени, но появилось и нечто новое. Дима вдруг понял, что тени разговаривают. Поначалу он не мог разобрать ничего и слышал лишь невнятное перешептывание, будто говорили очень тихо и на каком-то незнакомом языке, но потом его слух начал улавливать некоторые отдельные слова. Дима прикрыл глаза, чтобы мелькающие огни не отвлекали его, и стал прислушиваться. Он слышал и даже различал слова, но спустя мгновение забывал их, как забываешь сон, когда просыпаешься. Среди всего прочего только слово «реанимация» осталось в его голове, потому что тени повторяли его чаще других и с какой-то особой интонацией.

«Ре-а-ни-ма-ция», – сумел воспроизвести про себя Дмитрий. Но он не понимал, что это значит.

«Реанимация, реанимация, реанимация…» – повторяли тени, и Дима начинал злиться на них. Почему они не могут сказать что-то еще? Почему не остановятся, не объяснят ему, кто он, где и что происходит? Он имеет право знать! Мозг послал сигнал телу, что надо сесть, но тело снова не послушалось, отозвавшись резкой болью в области затылка. Дима обессиленно выдохнул и почувствовал, что легкие словно обожгло огнем.

Неожиданно окружающий мир снова поменялся – все вокруг вдруг стало тускло-желтым, откуда-то справа пробился свет, бывший почему-то еще и теплым.

«Это окно», – догадался Дима. Ему внезапно стало совершенно ясно, что он находится в помещении, а желтое и белое вокруг – это цвет стен и потолка.

«Значит, я не умер», – рассудил Дмитрий и попытался повернуть голову в сторону света. Как ни странно, ему это удалось. В ту же секунду он вдруг ощутил холодное прикосновение к левой руке, к тыльной стороне кисти. Он чувствует свои руки! Значит, не парализован! Пошевелить рукой не вышло, но эта неудача уже не так отчаянно пугала его, поскольку Дима больше не ощущал себя неподвижной колодой. По всему телу начало медленно растекаться тепло, и Дмитрий будто снова обрел плоть, почувствовав каждую конечность, каждую клетку, каждый нерв. Однако вместе с этим пришла и боль, резкая, ноющая боль во всем теле. Отголоски этой боли он ощущал и раньше, но и предположить не мог, насколько она сильна и всеобъемлюща. Он глубоко вздохнул, от чего легкие снова загорелись, и издал протяжный стон.

На этот раз снующие вокруг тени совершенно точно услышали его. Они столпились перед Дмитрием и начали живо что-то обсуждать. Речь их все еще казалась невнятной, слова мешались и путались, но в общей неразберихе Дима отчетливо разобрал слово «сон».

«Сон? Неужели это все сон? Но я ведь чувствую тело… Это не может быть сном, они ошибаются!..» – в отчаянии подумал Дима. Сам-то он был уверен, что все происходящее вокруг – реальность, какой бы странной она ни была.

Вдруг одна из теней двинулась вперед и приблизилась к нему. Расплывчатый контур резко стал четким, и Дмитрий увидел перед собой лицо женщины. Бледное лицо с бесцветными глазами. Женщина смотрела на него внимательно, с явной озабоченностью и интересом. Дима замер, ожидая, что будет дальше.

– …спать, – сказала женщина и слегка улыбнулась.

– Что? – попытался спросить Дима, не сумевший разобрать начала фразы. Он хотел попросить ее повторить сказанное, хотел задать много вопросов, но из горла вырвался только хриплый вздох.

Прямо перед его глазами блеснула тонкая медицинская игла, и Дмитрий снова отключился.

* * *

– Дима, Дима! Ты слышишь меня? Ты что-нибудь чувствуешь? Ну, ответь же! Я же вижу, что ты пришел в сознание! Дай мне знак, просто моргни, если слышишь и понимаешь меня, – женский голос был до такой степени настойчив, что вывел Дмитрия из состояния забытья.

«Опять Надюха что-то от меня хочет… Не дает нормально поспать, – подумал Дима, не открывая глаза. – Блин, как же мне плохо!.. Похоже, перебрал вчера… Башка раскалывается, и все тело ноет… Что со мной? Наверное, заболел…»

– Надь… – простонал он, даже не пытаясь разлепить тяжелые веки. – Не приставай, мне так хреново… Лучше дай мне…

И замолк на полуслове, потому что до него вдруг дошло, что он обрел память. Дима вспомнил, кто он, вспомнил, что работает заместителем главного врача психиатрической клиники, вспомнил, что у него есть жена и ребенок, вспомнил многое из того, что происходило с ним до настоящего момента. Отголоски недавних странных видений все еще были живы в голове, но теперь он понимал, что это был всего лишь бред. Вероятно, от высокой температуры.

Он заставил себя открыть глаза и осмотреться. И это ему удалось, хоть и не без труда – перед глазами стояла пелена, а очертания предметов расплывались. Но даже несмотря на это, Дмитрий понял, что проснулся не дома, а в незнакомой комнате с желто-серыми стенами и большим окном с серыми занавесками в цветочек. И что женщина, сидящая на стуле у его

кровати, которая вскинулась, увидев, что он открыл глаза, и наклонилась к нему – не Надя. А Полина. Дмитрий четко произнес ее имя, и она обрадовалась.

– Слава богу! – проговорила Полина. – Ты действительно пришел в себя.

Она поднесла к его лицу руку с поднятыми указательным и средним пальцами – жест, который в одних культурах обозначает победу, а в других – знак дьявола.

– Посмотри, сколько пальцев?

– Два…

– Отлично! А ты помнишь, как тебя зовут? И какой сейчас год и месяц?

– Помню… Дмитрий Сергеевич Щеголев… Родился восьмого августа тысяча девятьсот семидесятого года…

– Все верно! – просияла Полина. – Господи, какое счастье, ты в порядке… Как ты себя чувствуешь? Голова сильно болит?

– Сильно… И не только голова… – простонал Дима.

Только сейчас он сумел оглядеть себя и увидел, что одна рука у него забинтована. Дмитрий осторожно поднес другую руку к голове и, ощупав ее, тоже обнаружил повязку.

– Тише, лежи спокойно, не шевелись. Я скажу, чтобы тебе сделали обезболивающий укол, – Полина хотела приподняться с места, однако Дима остановил ее.

– Что со мной случилось? – спросил он. – Почему я в больнице? Я ведь в больнице?

– Дима, давай не будем сейчас об этом говорить, ты еще слишком слаб, – отвечала Полина.

И Дмитрий не стал спорить – у него действительно не было сил говорить.

В палату вошла пожилая медсестра со шприцем в руках и склонилась над его кроватью. Дима вздохнул и закрыл глаза.

* * *

Когда он снова пришел в себя, в палате было темно, только пробивался через дверное стекло слабый свет ламп из коридора. Голова и тело все еще болели, но уже не так невыносимо. Оглядевшись в полумраке, Дима снова увидел Полину, она дремала, неудобно скрючившись на стуле, и он решил ее не тревожить, пусть отдохнет. Интересно, а почему с ним в больнице Полина, а не Надя? В том, что он находится именно в больнице, Дмитрий не сомневался, но еще не мог восстановить в памяти, из-за чего попал сюда. Он прикрыл глаза, не без труда поудобнее устроился на кровати и попытался привести мысли и воспоминания в порядок.

Итак, что он помнит последним? Где он был в тот момент – дома или на работе? Не дома точно… Но и не в клинике. Точно не в клинике, потому что он взял отпуск. Верно, он же взял отпуск! И сделал это потому, что они решили отвезти Кристинку на море. Да-да, все было именно так! Они собрались в отпуск, спланировали маршрут так, чтобы увидеть Волгу, и отправились к Черному морю на «Форде». Он, Дмитрий, еще специально как следует выспался, чтобы вести машину… Да-да, они выехали утром… Точнее уже днем, потому что долго собирались. Остановились пообедать в кафе, купили пирожков… А потом? Что было потом? Дмитрий не помнил. Кажется, было очень жарко, все время хотелось пить. Потом стемнело… А затем пошел дождь… Да, конечно, дождь! Еще была отвратительная видимость, его сильно клонило в сон, и он только в последнюю минуту заметил автомобиль, который чуть не врезался в них сзади… Ну да, именно так и было. Дима увидел идущий на обгон автомобиль, принял в сторону, а дальше… Дальше полный провал и темнота. Получается, они попали в аварию?

От подобного открытия Дмитрий чуть не подскочил, дернулся и тут же застонал от боли. Этот шум разбудил Полину, она вздрогнула, открыла глаза и испуганно посмотрела на него.

– Дима? Что? Тебе хуже?

– Полина… Я вспомнил… – прохрипел он. – Я ехал в отпуск… Мы ехали… Произошла авария, да? Так вот почему я в больнице…

И тут же с тревогой поглядел на свою добровольную сиделку:

– Полина, а почему здесь со мной ты, а не Надя? С ней все в порядке? А с Кристинкой? Они не пострадали?

Полина похлопала его по здоровой руке ободряющим и в то же время каким-то отвлекающим жестом.

– Успокойся, Дима, нет никаких причин для волнений. С ними все хорошо. Мы с тобой поговорим завтра. А сейчас ночь, надо спать…

С усилием Дмитрий повернул руку и сжал ее пальцы. Мысленно отметил, что это оказалось не так уж сложно и не так больно. В другой момент он наверняка порадовался бы тому, что к нему возвращается способность владеть своим телом, но сейчас его гораздо больше занимали другие вещи, которые представлялись куда более важными.

– Полина, не обманывай меня! Если бы все было в порядке, Надюшка обязательно пришла бы навестить меня. И сейчас сидела бы на твоем месте. Надя, а не ты!.. Так что не надо мне врать, скажи, что с ней?

– Ну, хорошо… – Полина потянулась, разминая мышцы, затекшие от долгого сидения в неудобной позе. – Я не хотела тебе говорить, пока ты еще слаб, но раз уж ты так настаиваешь… Надя тоже пострадала, но несильно. Ее состояние легче твоего, всего лишь пара несложных переломов – нижнее правое ребро и голеностоп. Неприятно, конечно, но тревожиться не о чем. И, как ты понимаешь, навещать тебя она пока не может.

– А Кристинка? – волнуясь, выдохнул Дмитрий.

Полина отвернулась:

– Ей еще больше повезло. Отделалась царапинами.

Дмитрий некоторое время молчал, пытаясь осмыслить услышанное.

– Надя здесь, в этой же больнице? Кстати, где мы вообще?

– В Саратовской области. Вы попали в аварию около… – Полина упомянула название какого-то городка, которое Дмитрию ни о чем не говорило. – И Надя не в этой больнице, в другой. У нее, как я уже сказала, нет ничего страшного, так что ее доставили в ближайшую больницу. А тебя пришлось везти в областную. Твое состояние не в пример тяжелее, ты столько времени был в коме…

– Ну да, Саратовская область… – Дмитрий осторожно дотронулся до лба. – Мы же собирались заночевать в Саратове, в гостинице… Подожди, а где же тогда Кристинка? – запоздало обеспокоился он. – С Надей?

– За дочку не волнуйся, – Полина снова прикоснулась к его руке. – Ей дали позвонить, она сама с кем-то связалась, и за ней приехала то ли ваша знакомая, то ли родственница, такая пожилая женщина…

– Надина мама, наверное… – предположил Дмитрий, ощущая, что говорить ему становится все тяжелее. – Она в деревне живет…

– Очень может быть. Дима, ты устал. Тебе нужно поспать.

– Нет, подожди… – Он чувствовал, что должен выяснить еще одну, очень важную, вещь. – Эта авария… Что конкретно произошло? Кто в ней виноват? Я? Я ничего, вообще ничего не помню…

– И не надо, и не думай сейчас об этом, – твердо проговорила Полина. Но Дмитрий не мог так просто успокоиться. Он машинально попытался покачать головой и тут же застонал от боли.

– Полина, пожалуйста… – сдавленно попросил он. – Скажи… Я должен знать.

Полина долго смотрела на него, словно обдумывая что-то. Потом встала со стула и прошлась по небольшой палате.

– Дело в том, – проговорила она после затянувшейся паузы, – что у ДТП был свидетель. Следом за тобой ехала еще одна машина, ее водитель все видел, дал показания и подтвердил твою полную невиновность. Так что не наговаривай на себя. Ты ни в чем не виноват, запомни! Ты всего лишь не справился с управлением, поскольку шел сильный дождь, а дорога на этом участке просто ужасная.

– Да, дорога там была та еще… – с этим Дима не мог не согласиться. – И дождь лил сплошной стеной…

– Ну, вот видишь… – Полина остановилась, подошла к стулу, сняла висевшую на его спинке сумку, вытащила какие-то таблетки и протянула две из них Дмитрию на раскрытой ладони. – На вот, выпей.

– Что это? – машинально спросил он.

– Феназепам. Тебе нужно поспать, ты устал. – Она подала ему стакан воды и приподняла его голову, чтобы ему легче было принять таблетки.

– Да, я устал… – согласился Дмитрий, закрывая глаза. Он и впрямь чувствовал себя совершенно измотанным. Но на душе было легко. К счастью, жена и дочка живы… Кристинка вообще в полном порядке. И Надя, даст Бог, скоро поправится… И в аварии он совершенно не виноват…

– Полина… – пробормотал он. – Спасибо тебе за… За все…

В голове мелькнула мысль: надо бы спросить у Полины, откуда она все это узнала. Что он попал в аварию, что был свидетель, что Надю увезли в другую больницу, а Кристинку забрала теща… Но задать эти вопросы Дима уже не успел, поскольку почти сразу уснул.

Глава 5
Полина

– Идите, идите, прилягте, я за ним присмотрю. – После того как Полина ей заплатила, молодая медсестра с румяным деревенским лицом и выбившейся из-под шапочки прядью тусклых русых волос была сама любезность.

– Спасибо, Аня, – кивнула Полина. – Пожалуй, я воспользуюсь твоим предложением, а то и впрямь уже с ног валюсь. Но обещай, что разбудишь меня, как только он проснется. – Она протянула девушке еще одну купюру.

– Конечно, не сомневайтесь! – заверила Аня, ловко пряча купюру в карман халата, которому не мешало бы быть и посвежее. У себя в клинике Полина ни за что бы такого не допустила. Но здесь она не дома, и чистота униформы младшего персонала – не ее забота.

Пристроившись на жесткой кушетке, Полина с наслаждением закрыла глаза, воспаленные и даже опухшие от вынужденного длительного бодрствования. Однако сон упорно не шел к ней, видимо, сказывалась накопившаяся усталость. Вроде бы ничего не мешало: в коридоре тишина, горят только редкие тусклые лампы, свет которых еле-еле пробивается через матовое стекло – а вот поди ж ты, не уснуть никак, и все… Сколько она ни ворочалась, сколько ни пыталась принять более или менее удобную позу, тело упорно не желало расслабляться, а мозг – отключаться от тревожных мыслей. Ее мучали сомнения. Получится ли у нее то, что она задумала, не случится ли так, что все усилия окажутся напрасными? Все ли она учла, все ли предусмотрела? Как и когда лучше открыть Дмитрию правду? Как сказать об этом, какие слова подобрать? Это будет очень непростой задачей, можно не сомневаться, что новости станут страшным ударом для него… Ему, да не только ему, им обоим, понадобится много времени и много мужества: Диме – чтобы прийти в себя от потрясения, а ей – чтобы поддержать его. Полина и сама была совершенно выбита из колеи, ей и в голову прийти не могло, что события повернутся таким вот жутким образом… Но раз случилось именно так, как случилось, то ей остается воспринять это как знак свыше. Значит, она делает все именно так, как надо. Значит, все идет своим чередом, и надо действовать дальше. И если раньше – иногда, в минуту слабости – она нет-нет да задавалась вопросом, правильно ли поступает, следуя своему плану в отношении Димы, то теперь в ее душе не было и тени сомнений на этот счет. Пусть долгим, пусть тернистым путем – но она движется навстречу своему счастью. А это счастье она заслужила, как никто. В этом Полина была твердо убеждена.

Как-то раз в институте, на лекции по психологии, им рассказывали о теории так называемого жизненного сценария, который формируется, как ни странно это звучит, на основе самой любимой в детстве сказки. Один западный ученый, крупнейший специалист в области психоанализа, утверждал, что каждый человек подсознательно строит всю свою жизнь по определенной схеме, и схема эта чаще всего во многом перекликается с тем или иным сказочным сюжетом. То есть девочки, которым нравится история о Золушке (а таких большинство), став взрослыми, продолжают мечтать о том, что если они будут послушными и прилежными, то однажды к ним явится фея, которая взмахнет волшебной палочкой и подарит счастье, богатство и прекрасного принца – все разом и в одном флаконе. А те, кто, будучи маленьким, любил сказки о каких-нибудь ловкачах и хитрецах, вроде Кота в сапогах, те привыкли сами добиваться своей цели, но не столько трудом, сколько умом и изобретательностью. Полинина подруга Наташка была в восторге от этой теории. Сама же Полина, слушая лектора, скептически усмехалась. Как многие молодые люди, она в те годы была склонна к нигилизму, старалась ничего не принимать на веру, сомневалась во всем и норовила найти во всем вновь услышанном или прочитанном слабые места и противоречия. Однако, поразмыслив, она пришла к выводу, что в отношении ее теория жизненного сценария работает на все сто. В своих лите-

ратурных пристрастиях она была оригинальна, любимой сказкой считала мало кому знакомую «Марью Моревну». И ей, Полине, как и главному герою сказки Ивану Царевичу, с которым она себя отождествляла (идентифицировала, как это называется в психологии), тоже вечно приходилось пробиваться через тернии и преодолевать кучу препятствий на пути даже к самым простым вещам.

Полина выросла в семье чиновника, занимавшего не слишком высокий, но и далеко не самый низкий пост в городской администрации. То есть по тем, советским, временам условия ее детской жизни были вполне благополучными, но тот, кто счел бы, что маленькой Полинке все доставалось легко и просто, очень сильно ошибся. Ей, единственному ребенку в семье, где папа занимал ответственную должность, а мама не работала и все время посвящала *правильному* воспитанию дочери, с пеленок внушали, что ничего в этом мире не дается даром, все надо заработать. Любишь сладкое – получишь после обеда, но только в том случае, если поможешь накрыть на стол и съешь весь суп и второе. Хочешь посмотреть по телевизору мультик – изволь к тому времени, как он начнется, сделать все уроки. Идти гулять можно только после занятия музыкой. А заветный подарок найдется под елкой лишь в том случае, если весь год будешь хорошей девочкой.

От Полины всегда требовалось, чтобы она была самой лучшей. Чтобы только первое место на всех музыкальных конкурсах, чтобы учеба в английской спецшколе исключительно на пятерки, чтобы закончить десятый класс непременно с медалью, без единой четверки в аттестате. И маленькая Полинка все силы клала на то, чтобы не огорчить родителей, делала все, что ей говорили, просиживала долгие часы за учебниками и за фортепиано, повторяя себе под нос вслед за взрослыми: «Терпение и труд все перетрут», «Сделай раз по сто – и получится просто», «Вода камень точит», – и прочие многочисленные пословицы, поговорки и присказки на эту тему. Лишь к старшим классам она запоздало сообразила, что этак, пожалуй, вся жизнь пройдет за зубрежкой и пианино – в то время как все ее сверстники занимаются куда более интересными и приятными вещами, гуляют, собираются компаниями и влюбляются. После этого открытия Полина начала хитрить и каждый день выдумывала все новые и новые уловки. Прогуливала уроки в школе и занятия в музыкалке, сочиняла несуществующие факультативы и мероприятия, а сама втихаря бегала в кафе, на дискотеки и на свидания. Довольно долго это сходило ей с рук, поскольку, обманывая взрослых, умная Полина проявляла настоящие чудеса предусмотрительности и изобретательности. А когда обман все-таки вскрылся, дочь взбунтовалась и заявила родителям, что бросает музыкальную школу, поскольку ненавидит фортепиано, а также не собирается идти по их стопам и поступать на экономический факультет университета. Она сама себе выбрала профессию и будет врачом, и не каким-нибудь педиатром или терапевтом, а психиатром. Последние слова, впрочем, не были сказаны сгоряча, как могло бы показаться со стороны, напротив, они стали результатом непростого и вполне обдуманного решения. Полину давно интересовали тайны человеческой души, внутренний мир людей казался ей куда привлекательнее, чем мир сухих абстрактных цифр.

– Ты что, действительно собралась лечить психов? – ужасались взрослые. – Да ты сама спятила, не иначе!.. Зачем тебе это нужно?

– Затем, что мне это интересно! – упрямо отвечала Полина. – Это мое призвание, понимаете? Мой выбор. Мой – а не навязанный мне вами!

И действительно добилась своего, поступила с первой же попытки в медицинский институт. Видимо, очень уж сильно было в ней желание пойти наперекор родителям и доказать им, что она на многое способна.

Суматошная студенческая жизнь очень увлекла Полину. Лекции, семинары, вечеринки, гулянки, романы – все это вертелось вокруг нее веселым вихрем… Но только до тех пор, пока она не влюбилась в Дмитрия.

Студент пятого курса Дима Щеголев считался первым красавцем вуза и чуть ли не его легендой. Добрых две трети девчонок института тайком вздыхали по нему, не миновала участь сия и Полину. Но, в отличие от большинства своих сестер по несчастью, она, похоже, влюбилась всерьез. Ее привлекла не столько яркая внешность Дмитрия, сколько его неординарный ум и недоступность. В свои неполных двадцать два года Дима Щеголев был уже женат, растил дочку, и этот факт, конечно, был не только известен всему институту, но и постоянно горячо обсуждался. Будущие *эскулапочки*, как называли своих сокурсниц мальчишки, давно разобрали по косточкам внешность и личность Нади Щеголевой и пришли к единому, крайне категоричному мнению – чертовски везучая хитрожопая деревенщина заманила в койку классного парня, быстренько залетела и ухитрилась женить Диму на себе, приобретя в комплекте красивого мужа, отличную квартиру на Кировке, а также машину, дачу и все остальное, что там есть у его далеко не бедных родителей. Диме в этой истории сочувствовали, Надю осуждали, презирали и завидовали ей, и Полина испытывала по отношению к ней те же самые эмоции, даже несмотря на то, что никогда ее не видела. По ее мнению, Надя не стоила Диминого мизинца – в отличие от нее, Полины, яркой и незаурядной умницы.

– Послушай моего совета, забей ты на него! – уговаривала Наташа, миловидная толстушка, с которой они подружились на вступительных экзаменах и с тех пор были неразлучны, несмотря на значительное несходство в характерах и взглядах на жизнь. Наташка была именно такой, какой родители хотели бы видеть Полину, то есть *положительной* – живущей строго по раз и навсегда усвоенным правилам, что хорошо, а что плохо.

– И не подумаю! – фыркала Полина. – Вот увидишь, я добьюсь своего.

– Да чего ж ты добиваться собираешься? – взывала к ее разуму Наталья. – Того, что он переспит с тобой? Это да, это за ним не заржавеет. Он, говорят, половину девчонок в институте перетрахал, включая преподш. Но тебе ведь не это надо, ты ведь на серьезные отношения рассчитываешь… А серьезных отношений ты от него не получишь, я тебе гарантирую. Не такой он человек.

– С чего ты так уверена? – горячо возражала Полина. – Мне вот кажется, что все будет иначе. Вот увидишь, мы с Димой еще поженимся!..

– Так ты собираешься из семьи его увести? От ребенка? – ахала максималистка Наташка. – Полин, зря ты это задумала, ей-богу… Нет ничего хуже, чем пытаться строить свое счастье на чужом горе.

– Ой, да ладно тебе мораль читать… – отмахивалась Полина. – Ты иногда бываешь такая правильная, что аж противно. Такое чувство, что я не с живым человеком разговариваю, а какую-нибудь «Пионерскую зорьку» по радио слушаю.

После таких слов подруга обижалась и замолкала. Но ненадолго. Она всегда была очень терпеливой и отходчивой, ее старушка Наташка…

Чуть позже выяснилось, что Наталья права – все случилось именно так, как она и предсказывала. Полина не ограничилась простым кокетством с Димой, она пошла дальше остальных девчонок и не свела все, как они, к хихиканью, улыбочкам и хлопанью глазками. А подошла к нему на перемене и прямо сообщила, что ее родители уезжают на дачу на все праздники, так что девятого мая вечером она приглашает его к себе в гости – отметить День Победы. Дима усмехнулся, сказал: «Ну что ж, День Победы – это святое» и записал адрес. И ведь пришел! И принес с собой классический джентльменский набор: бутылку шампанского, коробку конфет и пачку презервативов. Конфеты были очень вкусными, московской фабрики «Красный Октябрь», а презервативы – импортными, черного цвета, Полина раньше никогда таких даже и не видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.